

М.М. Павлова

«Вижу отсюда: буча из-за войны разгорается...»

Из писем Т.Н. Гиппиус к З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковскому и Д.В. Философову. Апрель–август 1917 г.*

«Синяя книга» З.Н. Гиппиус принадлежит к наиболее ценным художественно-публицистическим документам эпохи Первой мировой войны и Февральской революции. Этот общественно-политический дневник (1914–1917), неоднократно переиздававшийся¹ и обретший статус литературно-исторического памятника, до настоящего времени не получил надлежащего источниковедческого и реального комментария, отдельные его фрагменты остаются невнятными и непроясненными.

Значительная часть записей, требующих развернутого комментария, относится к весне–лету 1917 г., когда Гиппиус находилась вдалеке от эпицентра политических катаклизмов и источников информации.

8 апреля Мережковские и Д.В. Философов выехали для поправки здоровья в Кисловодск, где на даче Мавритания провели четыре месяца. По возвращении в Петроград (7 августа) они сразу же отправились в Дружноселье на Красную дачу под Гатчиной (имение кн. Витгенштейна), где оставались в дни Корниловского мятежа и большевистского переворота, вплоть до зимы.

В течение продолжительного времени Мережковские в Кисловодске не получали почту и, что особенно важно для автора «Современной записи»², петроградские и московские газеты. Весной 1917 г. в Донской области произошло колоссальное наводнение (самое большое за триста лет): были полностью затоплены десятки станиц и хуторов, ширина разлива Дона в некоторых местах достигала 40 км, с самых высоких точек Ростова противопо-

* Публикация подготовлена при поддержке Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University.

ложный берег разлива не просматривался, движение поездов прекратилось.

Местные газеты – «Пятигорское эхо», «Кавказский край» и немногие другие питались преимущественно перепечатками из столичной прессы, при отсутствии коммуникаций новости о событиях в Петрограде и центральной части России приходили в Кисловодск окольными путями и с большим опозданием.

23 апреля Гиппиус сообщала Владимиру Злобину: «Бесполезно вам писать, т. к. почта явно не ходит. По крайней мере, я еще ничего с почты не получала, получила лишь несколько писем с оказией; в них писалось, что мне много писалось – и все напрасно. Дон отрезал нас от России»³.

В тот же день она отметила в «Синей книге»: «Грандиозный разлив Дона; мост провалился, почта не ходит. Мы отрезаны. Смешно записывать отрывочные сведения из местных газет и случайного петербургского письма⁴. У меня есть догадки, но как это сидеть и гадать впустую? Отмечу то, что вижу отсюда: буча из-за войны разгорается. <...> Кажется, положение острое. (Издали)».

После Февральской революции Мережковские и Философов были «кооптированы» А.Ф. Керенским в конфиденты⁵ (о чем упоминается в «Синей книге»). Их ближайший сподвижник по религиозно-общественной деятельности А.В. Карташев (и фактически член семьи)⁶ занял пост товарища обер-прокурора Синода; двоюродный брат З. Гиппиус В.А. Степанов в марте был назначен товарищем министра торговли и промышленности⁷. Близость к кулисам власти, а также самые широкие связи в прессе и в думских кругах позволяли Мережковским следить за событиями не только из их квартиры на Сергиевской, 83, но также из стен Марининского, Таврического и Зимнего дворцов.

В месяцы вынужденной изоляции от общественно-политической жизни Гиппиус продолжала вести дневник – анализировала соотношение сил между Временным правительством и Советом солдатских и рабочих депутатов, «революционными оборонцами» и «пораженцами», позицию Керенского и представителей «буржуазии» (П.Н. Милокова, А.И. Гучкова и др.), думские «страсти», реальные шансы захвата власти ленинцами («тришками»⁸); тактику

лидеров умеренных социалистов и групп: Г.В. Плеханова, И.Г. Цетрели, Н.Д. Авксентьева, В.М. Чернова, А.Р. Гоца и др.; положение на фронте, реляции союзникам... И прогнозировала будущее.

Из текста «Синей книги» явствует, что Гиппиус была осведомлена о пертурбациях во Временном правительстве в период с апрельского по июльский кризис, о колебаниях общественного мнения по отношению к власти и вопросу о мире с Германией, о смене настроений на улицах столицы и в кружках интеллигенции.

Наряду с прессой, которую после восстановления пострадавших из-за наводнения железнодорожных путей стали, хотя и с перебоями, доставлять в Кисловодск, важным источником сведений о событиях в Петрограде были письма из дома, приходившие с оказией и обычной почтой. 18 июня З. Гиппиус отметила в «Синей книге»: «Положение тяжелое. Знаем это из кучи газет, из *петербургских писем*, из атмосферного ощущения» (курсив мой. – М.П.).

Из трех младших сестер писательницы Татьяна Николаевна Гиппиус (1877–1957), или Тата⁹, как ее называли в семейном кругу, была теснее всех связана с Мережковскими и Д.В. Философовым. Она принимала деятельное участие в их религиозно-общественной жизни¹⁰, а в годы первой парижской эмиграции (1906–1908) и длительные периоды пребывания за границей (1911–1913) брала на себя обязанности их постоянного корреспондента и «общественного осведомителя».

Письма (точнее, «дневники»¹¹) Т. Гиппиус 1917 г. с полным правом можно назвать одним из источников «Синей книги» (своего рода претекстом); они существенно дополняют записи, в которых многое по воле автора осталось недоговоренным, и в то же время прочитываются как продолжение внутрисемейных разговоров Мережковских о войне, Керенском, Корнилове, Савинкове, судьбе России.

В некотором смысле оба «дневника» образуют единый текст: основываются на одних и тех же источниках информации; связаны общими темами: отношение к войне и революции различных политических партий, интеллигенции, «улицы», толпы – народа; вероятность для России в обстоятельствах революции достойного или не достойного выхода из войны (через сепаратный мир с Германией).

Оба автора осмысливают события посредством одних и тех же политических символов, говорят на одном – «семейном» языке, местами понятном только для близкого круга посвященных. Под «раками», вероятно, подразумевали «левых», не принявших лозунг «революционного оборончества», попятившихся назад; под «вилами» – «полуоборонцев», и т. п.

Как в «Синей книге», так и в «дневниках» темы войны и революций неразрывны. С самого начала войны Мережковские ожидали революцию, которая в своем положительном исходе мыслилась ими исключительно как религиозная. В зависимости от близости/удаленности заветной цели менялась их позиция по отношению к войне: пораженческая – в 1914–1916 гг., по отношению к царизму, а не к России и армии (победа антирелигиозна, поскольку ведет к укреплению самодержавия), оборонческая – после Февральской революции. Т. Гиппиус всецело разделяла позицию Мережковских: «Только до революции и был отдых с теми, кто организовал Россию и пытался вести войну *помимо* царя, *вопреки* царю. А после революции с теми, кто пытается вести войну *помимо* социалистов, *вопреки* социализму. Так ясно надо сказать (п<отому> ч<то> война *противоположна* социализму)» (из письма от 30 июня).

«Дневники» Т. Гиппиус 1917 г. обращены персонально к трем адресатам: З. Гиппиус, Д.В. Философову (он также вел свой общественно-политический дневник¹²), «всем» – Мережковским и Философову; в отдельных случаях они продублированы в своей содержательной части. Однако при расположении всего корпуса семейной переписки в хронологической последовательности образуется связный текст, который можно озаглавить: Петроград в апреле–августе 1917 г. глазами очевидца.

Для объективной оценки политической ситуации и общественного климата в Петрограде Мережковские нуждались в фактах; в записях «Синей книги» лейтмотивом звучат lamentации об информационном голоде: «В Петербурге 21-го было побоище. Вооруженные рабочие стреляли в безоружных солдат <...> Мы знаем здесь... почти ничего не знаем. <...> Газеты беспорядочны. Письма запаздывают» (2 мая) и т. п.

В своих обзорах и сводках Т. Гиппиус выступает прежде всего в роли наблюдателя, ее форпост – «улица»: «Улицу видят только как контрреволюционную, мудрости ее в трагич<еские> моменты не знают. А улица – это коллектив, это народ, Россия. Тут и прачка, и старик, и прислуга, и солдат, и швейцар, и офицер, и интеллигент, и мальчишка, и рабочий, и профессор. Создается общественное мнение, очень тонко передающееся и вовсе не “толпное”, не звериное, а разумное» (12 июля); «Я через улицу войну приняла трагически и жертвенно, как весь народ и рабочие» (4 мая).

Изо дня в день она ходит по Петрограду и прислушивается к голосу толпы – под «ленинским» балконом у дворца Кшесинской; на Марсовом поле, где отпевали жертв Февральской революции (и поминали их совместно с погибшими на фронте – после официальных похорон, которые прошли без религиозных церемоний); во время первомайских маршей и стычек манифестантов в дни апрельского кризиса – у Мариинского дворца (правительственной резиденции), на Невском, Морской, Садовой и др.; фиксирует надписи на плакатах участников антивоенных митингов и демонстраций в поддержку Временного правительства (21–22 апреля и 3–4 июля).

О совершенных дозорах она сообщала в Кисловодск, 15 апреля: «...у Думы инвалиды – споры с ленинцами. Крики, плакат – знамя красное выхватили при нас, пополам разломали о землю. Что на знамени – не знаю, против Ленина что-то. Матрос-ленинец уверяет, кричит, что надо воевать с Вильгельмом, а с народом мир. Германский вопрос, всех волнующий, – почему через Германию проехал?»; 18 апреля (1 мая н.ст.): «1-го мая ходила по улицам, слушала в толпах народ, где *раки* зимуют. Слушала *церковный голос народа, а не партий*»; 25 апреля: «...эти дни и 1 мая все время на улицах собирались кучи и разгорались странные споры ленинцев с русскими гражданами. <...> Особенно потрясающе, когда говорят приехавшие с фронта. Чувствуется, что они что-то *знают* такое, что не передается словами <...> ни в одной куче не было “зверства” – т. е. убить Ленина, повесить и т. д. “Убрать, изолировать, посадить в сумасшедший дом, отправить в Германию, арестовать (самое крайнее), выгнать из дворца Кшесинской”».

Свои наблюдения и заметки Т. Гиппиус сверяла с прессой, обращая внимание Мережковских на степень достоверности репортажей с мест событий: «Получаете ли вы “Речь”? “День”? “Биржевку”? Это 3 газеты, в которых отражается более или менее верно все, что происходило. “Дело народа” перегибает, “Правда” совсем недоброкачествен<ная> газета» (27 апреля).

Благодаря министерским «портфелям» Карташева и Степанова «семья» была в курсе основных мероприятий Временного правительства и Думы; через «заграничных друзей» – Илью и Амалию Фондаминских¹³ приходили сведения из эсеровского ЦК, Совета крестьянских депутатов, Совета солдатских и рабочих депутатов, через Бориса Савинкова¹⁴ – вести о правительственных делах и настроениях в армии.

По возвращении из эмиграции (они вернулись 8 апреля, через день после отъезда Мережковских)¹⁵ Фондаминские поселились в их квартире на Сергиевской, Савинков – на квартире П.М. Макарова¹⁶. О встречах с «Борисом» и «Илюшей», разговорах с Амалией Тата посылала короткие сводки сестре, 13 апреля: «Видела Амалию сегодня и, наконец, Илюшу и Савинкова (его на одну секунду, только попрощались!)»; 15 апреля: «Звонила к Амалии. У нее кишенько. Илюша на разрыв. Во вторник маевка, м<ожет> б<ыть>, увижусь с ней»; в мае: «Впечатление на меня он (Борис Савинков. – М.П.) произвел самое отрадное. Фондаминского не видал. Где-то он там, среди всяких Черновых Викторов и К^о»; 30 июня: «Завтра опять еду в П<етер>б<ург>. Зайду к Амалии»¹⁷; 12 июля: «Амалия мне кое-что рассказывает, понемножку про дела партийные, про Илюшу» и т. п.

Главным критерием оценки событий и деятельности политических лидеров в «дневниках» Т. Гиппиус избирается «церковность», понимаемая специфически, по-своему (по-«общинному»): «Церковность – органичность, жизнь – одно, а партийность, механичность, дело – другое. Церковность предполагает рост зерна из земли, а партийность работает на поверхности, сеет, жнет и собирает в житницы для сего дня. Отличие этой революции в ее церковном характере, органически выросла из земли *с навозом* (война, кровь); «Для каждого момента есть своя *церковность*, момент жизни. И партийность – момент *дела*».

В соответствии с «церковностью» расставлялись политические приоритеты. В «дьяволы», «разлагатели жизни» однозначно попадали большевики-интернационалисты и «вилы», к которым были причислены левые эсеры и В. Чернов (лидер правых, представитель центра партии) и даже сподвижники Мережковских в их религиозно-философской деятельности – А.А. Мейер¹⁸ и К.А. Пловцова¹⁹. Отличительная черта «дьяволов» – «ненависть» к России. Показательно в этой связи признание Н. Гиппиус: «Теперь мне надо от человека только чтоб он любил Россию, как что-то реально существующее, живое, святое. Если этого нет – человек для меня проваливается весь, и, в лучшем случае, пустота, в худшем – дьявол передо мной вместо него. <...> Я нежной любовью люблю Родзянко, Шульгина, Милюкова, Гучкова. <...> Мейер от дьявола. Я вижу в Мейере дьявола – от святых раков»²⁰.

Политическими симпатиями наделялись все, кто под знаком войны и революции «церковно» Россию соединяет. В представлении Т. Гиппиус это прежде всего Г.В. Плеханов – глава группы «Единство», редактор одноименной газеты, автор знаменитого обращения «Отечество в опасности»: «Плеханов – какой умный человек. “Единство” его читаю с удовольствием и чувствую, что я плехановка с оправданием его *религиозно*» (3 мая); «Плеханов *церковен* (революц<ионно>-церков<ен>) – в нем *соединение несоединимого*, он *антиномичен*, как вся *наша* позиция, – и от этого пафос» (4 мая).

Рядом с Плехановым – А.Ф. Керенский, единственный представитель «социалистов» в первом составе Временного правительства (эсер), символ подлинной «церковности» – «соединение несоединимого»²¹. 4 мая, сразу же после вступления Керенского на пост военного и морского министра, который он занял после ухода А.И. Гучкова (вновь «соединил», поступил «церковно»), Тата писала Мережковским: «Керенский удостоился у Наты теперь почетного места, вместе с Гучковым и Милюковым, весь в Национальных лентах висит под военной свечкой... из бумаги. У Гучкова бант, а у Милюкова 3 союзнических флага».

«Церковную» деятельность Временного правительства, с точки зрения «религиозного коллектива» Мережковских, необхо-

димо было поддерживать. 18 июня началось наступление по всему Юго-Западному фронту, однако 6 июля было приостановлено по причине небоеспособности армии. 30 июня Тата сообщала в Кисловодск: «И сейчас вот мы, я, Ната, ярко захотели пойти добровольцами». 10 июля сестры присутствовали на организационном собрании женского батальона, однако их намерение записаться в добровольческую армию не осуществилось (см. письмо от 13 июля).

В разгар второго правительственного кризиса, в результате которого из него вышли кадеты, Н. Гиппиус, наиболее «правая» в семье, писала старшей сестре: «Здесь все утихомирилось с виду. Идут аресты многочисленные <большевиков>. Нет моих кадетов в правительстве, и не очень-то я ему теперь верю. Все самодельно, все ненадежно. Могут так наподлить, что все ахнут. Только Керенский ведет себя мощно. Честь ему и хвала. Хоть тоже не очень он надежен, но пока ведет себя безупречно» (10 июля)²².

Большое место в корреспонденциях в Кисловодск занимают «отчеты» о настроениях внутри семьи и ближайшем круге Мережковских. Полного согласия («церковности») между ними не было; об этом красноречиво свидетельствует пародия Т. Гиппиус, в которой она представила Карташева контрреволюционером, с плакатом «Долой министров-социалистов!», Натю – монархисткой, в костюме казака исполняющей «Боже, царя храни», о себе написала: «Я – разорвала с Антоном из-за его контрреволюционности, с Натой из-за казачества, с Амалией из-за кадетов, с Степановыми из-за социалистов, с Флёровой²³ из-за ее большевизма. С полными руками непретворенных символов, не имея пристанища, где на ночь приклонить голову – ночью на площадке детского сада Юлии Ивановны»²⁴.

В письме сестре 17 апреля Т. Гиппиус сетовала: «Мы забыли свою атмосферу, утратили свою единственную *жемчужину* – понимание сущности вещей и *церковную* революционность – соединение несоединимостей. Мы наше зерно пороховое, зародыш взрывности будущей, перестали хранить и жадно распозлись по партиям». В скором времени целостность их принципиально «надпартийного» религиозного коллектива была нарушена: в

августе Карташев примкнул к кадетам (последовательным «оборонцам»).

«Дневники» Т. Гиппиус – единственный в своем роде документ, подсвечивающий скрытые стороны общественно-политической и религиозной деятельности Мережковских и Filosofova в период Первой мировой войны и Февральской революции. Из авторитетных трудов В.И. Старцева и А.И. Серкова известно, что в 1914 г., в самом начале войны, по инициативе Верховного Совета «Великого Востока народов России» была учреждена «ложка Мережковского», в которую вошли: А.Я. Гальперн, З.Н. Гиппиус, А.В. Карташев, А.Ф. Керенский, А.А. Мейер, Д.С. Мережковский, Н.В. Некрасов²⁵. На квартире В.А. Степанова в Петербурге проходили два из четырех конвентов русских масонов, в том числе последний в 1916 г.²⁶

Фактически все члены «ложки Мережковского» упоминаются в «Синей книге» и письмах-«дневниках» Т. Гиппиус. Однако, как нам представляется, этот факт еще не дает оснований для каких-либо определенных выводов; нельзя не согласиться с мнением Г.З. Иоффе, одного из видных знатоков отечественной историографии: «Несмотря на то что тема “Масоны и Февральская революция” в последние годы довольно широко обсуждается, она все же не выходит из сферы предположений и преувеличений. Недоуменных вопросов здесь возникает намного больше, чем дается ясных ответов»²⁷.

В публикацию включены в подавляющем большинстве фрагменты из писем Т.Н. Гиппиус 1917 г. к З.Н. и Д.С. Мережковским и Д.В. Filosofovu, выбранные в соответствии с проблематикой сборника. Письма хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде Мережковских: ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 60 (З.Н. Гиппиус); 176, 178 (Д. Filosofovu); 216–218 (З. Гиппиус, Д. Мережковскому, Д. Filosofovu).

Тексты воспроизводятся по автографам, с сохранением отдельных пунктуационных и орфографических особенностей оригинала. Мы нашли целесообразным сохранить непоследовательное написание строчных и прописных букв в названиях институ-

тов власти, политических партий и некоторых других (Временное правительство, Совет солдатских и рабочих депутатов, партия Народной свободы и т. п.) – как факт общественного сознания в период, предшествовавший активному процессу сакрализации одних и десакрализации других институтов власти.

В приложении приводятся военные молитвы, написанные коллективно – Т.Н. Гиппиус, А.В. Карташевым, З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским – в 1914–1916 гг.

Выражаю глубокую признательность доктору исторических наук Борису Ивановичу Колоницкому за консультации и ценные советы, учтенные в нашей работе.

¹ Гиппиус З. Синяя книга: Петербургские дневники. 1914–1918. Белград: Изд. Русской библиотеки, 1929; Петербургские дневники 1914–1919 / Предисл. Н.Н. Берберовой. Нью-Йорк: Орфей, 1982; 2-е изд.: Нью-Йорк: Телекс, 1990; Дневники: В 2 т. / Вступ. ст. и сост. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999.

² Рукопись дневника З. Гиппиус в первой редакции называлась «Современная запись» (ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 1–4).

³ ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 41. В очередном безответном письме к ней 5 мая Злобин констатировал: «Очевидно, никакие письма никуда не доходят. Я Вам неоднократно писал» (Там же. Ед. хр. 66. Л. 11). Владимир Ананьевич Злобин (1894–1967) – поэт, в 1912–1917 гг. студент юридического, с 1918 г. – историко-филологического факультета Петроградского университета; секретарь Мережковских, с 1919 г. вместе с ними в эмиграции. О вхождении Злобина в круг Мережковских см.: Новые материалы к ранней биографии В.А. Злобина / Публ. М.М. Павловой // Русская литература. 2013. № 1. С. 153–164.

⁴ 4 мая 1917 г. Т. Гиппиус сообщала Filosofovu: «Твое 3-е письмо, Дима милый, получила. Как долго идут письма, как пропадают. Всего, значит, имею 3 твоих письма и 1 Зинину открытку и 2 телеграммы». Я Вам пишу 2-е письмо и 9 открыток» (ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 218. Л. 29). Все открытки, посланные Т. Гиппиус в Кисловодск, пронумерованы.

⁵ См.: Колоницкий Б. А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 98–106; А.Ф. Керенский и круг

Мережковских // Петроградская интеллигенция в 1917 году: Сб. статей и материалов. М.: Л., 1990. С. 53–82.

⁶ Антон Владимирович Карташев (1875–1960) – бывший профессор Духовной академии, преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах, специалист по истории Русской православной церкви, многие годы провел под одной крышей с Т.Н. и Н.Н. Гиппиус как ближайший друг семьи (и член младшего «троебратства» неохристианской общины Мережковских); товарищ обер-прокурора Синода в первых составах Временного правительства, в июле 1917 г. избран обер-прокурором Синода, после упразднения должности в августе 1917 г. назначен главой Министерства исповеданий Временного правительства; с 1919 г. в эмиграции; был одним из основателей и профессором Свято-Сергиевского богословского института в Париже (1925–1960).

⁷ Василий Александрович Степанов (1871 или 1873–1920), двоюродный брат сестер Гиппиус (по материнской линии), депутат III и IV Государственной думы; в марте–июле 1917 г. товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства; после ухода в отставку А.И. Коновалова, с 19 мая, управляющий министерством. Возглавлял военную комиссию ЦК партии кадетов; выступал за выход кадетов из Временного правительства, 8 июля подал в отставку (в знак протеста против решения о предоставлении Украине независимости); 3 октября был избран в Предпарламент; баллотировался во Всероссийское учредительное собрание от Псковской губернии. После прихода к власти большевиков активно участвовал в формировании в Петрограде офицерских отрядов, которые направлялись на Дон, занимался организацией системы финансирования Добровольческой армии; участвовал в работе Донского гражданского совета во главе с генералом М.В. Алексеевым. Был одним из основателей Правого центра, членом Союза возрождения России, входил в состав правления Национального центра. В 1918–1919 гг. член Особого совещания при генерале А.И. Деникине. В феврале 1920 г. эвакуировался из Новороссийска в Константинополь, затем переехал в Париж, где занимался организацией помощи войскам генерала П.Н. Врангеля. В мае 1920 г. выехал в Крым для того, чтобы информировать генерала Врангеля о настроениях в политических кругах Франции. Скончался на пароходе, возвращаясь во Францию (см.: Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. С. 593–594; автор статьи М. Голостнев). Сведения о семье

Степанова, бежавшей в Европу из Константинополя, содержатся в письмах А.Н. Гиппиус к З.Н. Гиппиус (Amherst Center for Russian Culture. Merezhovsky's Papers. Box 2. Folder 10–15).

⁸ См. в «Синей книге» запись от 5 апреля 1917 г.: «Вот Ленин... Да, приехал-таки этот “Тришка” наконец! Встреча была помпезная, с прожекторами. Но... он приехал через Германию. Немцы набрали целую кучу таких “вредных” тришек, дали целый поезд, запломбировали его (чтоб дух на немецкую землю не прошел) и отправили нам: получайте».

⁹ Наиболее полные сведения о сестрах Т.Н. Гиппиус, Наталье Николаевне Гиппиус (1880–1963) и Анне Николаевне Гиппиус (псевд. Анна Гиз; 1875 (по др. дан., 1872)–1942) содержатся в публ.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* А.А. Блок. Письма к Т.Н. Гиппиус // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 209–217; Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 260–271; Истории «новой» христианской любви: Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. ст. и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 391–455; в мемуарах: *Филитов Б.* Всплывшее в памяти. Рассказы. Очерки. Воспоминания. London, 1990. С. 253–259; впервые: Новый журнал. 1988. № 171. С. 246–255; *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России: 1941–1944. М., 2004. С. 379–380; *Мантейфель С.* Воспоминания о Татьяне Николаевне и Наталье Николаевне Гиппиус // Мантейфель С. Бегство из гибели: Воспоминания, стихи. Великий Новгород, 2010. С. 108–147; впервые: Чело. [Великий Новгород], 2000. № 1. С. 38–47 (о послевоенном новгородском периоде); *Белавская А.П.* Воспоминания о Т.Н. и Н.Н. Гиппиус / Публ. М.М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 707–721.

¹⁰ См. вступ. статью к публ.: Истории «новой» христианской любви: Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов. С. 391–406.

¹¹ «Дневниками» Таты в домашнем обиходе называли письма, которые она иногда почти ежедневно писала Мережковским и Философовой во время их отсутствия в Петербурге/Петрограде. «Дневники» Т. Гиппиус 1914–1917 гг. хранятся в Отделе рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки (в фонде Мережковских); «дневники» 1906–

1908, 1911–1913 гг. из архива Мережковских – в Центре русской культуры Амхерста (США).

¹² См.: *Философов Д.В.* Дневник (1917–1918) / Публ., вступ. ст., коммент. Б. Колоницкого // Звезда. 1992. № 1–3.

¹³ Илья Исидорович Фондаминский (Фундаминский; псевд. Бунаков, Непобедимый и др.; 1880–1942) – видный эсер, публицист, с Мережковскими познакомился в Петербурге в 1905 г., сблизился в 1906–1907 гг.; до весны 1910 г. оставался ортодоксальным эсером в признании террора, был техническим посредником между партией и Савинковым, пытавшимся после разоблачения Е.Ф. Азефа возродить Боевую организацию; в годы Первой мировой войны последовательный оборонец; на 3-м съезде партии избран в состав ЦК, принадлежал в нем к правому крылу, член редакции «Дело народа», товарищ председателя Совета крестьянских депутатов, в 1917 г. – комиссар Черноморского флота; с 1919 г. во Франции вместе с женой (Амалией Осиповной Фондаминской, урожд. Гавронской; 1882–1935); один из редакторов журнала «Современные записки» (1920–1940). Подробнее см.: Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. С. 658–659 (автор статьи Н. Ерофеев).

¹⁴ Борис Викторович Савинков (1879–1925) – видный эсер-боевик, руководитель Боевой организации, писатель (псевд. Ропшин); летом 1917 г. – комиссар Временного правительства на фронте, затем управляющий военным министерством Временного правительства, во время выступления Корнилова принял пост петроградского военного генерал-губернатора, затем в отставке. История отношений и многолетней дружбы Мережковских с Савинковым подробно освещается в изд.: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб., 2009.

¹⁵ С возвращением из эмиграции Савинкова и Фондаминского Мережковские связывали политические надежды, см. в «Синей книге» запись 5 апреля (Фондаминский – под именем «Ел.»).

¹⁶ Павел Михайлович Макаров (1872–1922) – инженер-архитектор, масон; давний знакомый Савинкова; в августе 1917 г. назначен комиссаром Временного правительства, по поручению Керенского сопровождал в Тобольск царскую семью; в годы войны в доме Макарова на Разъезжей собирались представители радикальной интеллигенции. См. воспоминания Д.В. Философова в некрологе: За свободу. [Варшава], 1922. 2 дек.;

фрагмент процитирован в кн.: *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 128.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 60. Л. 5.

¹⁸ Александр Александрович Мейер (1875–1939) – религиозный мыслитель, активист Религиозно-философского общества; в 1918 г. – один из организаторов Вольфины, в 1917–1928 гг. – глава религиозно-философского кружка «Воскресенье», в 1928 г. арестован, отбывал срок на Соловках и в Белбалтлагге (см.: «Дело А.А. Мейера» / Публ., подгот. текста, вступ. заметка и примеч. И. Флиге и А. Даниэля // Звезда. 2006. №. 11. С. 157–207).

¹⁹ Ксения Анатольевна Половцова (1887–1947) – художница, архитектор, дочь сенатора А.В. Половцова; в 1914–1917 гг. – секретарь Религиозно-философского общества; после 1917 г. преподавала рисование и черчение в школе; вторая жена А.А. Мейера, в 1928 г. арестована вместе с ним, Т.Н. Гиппиус и другими членами кружка «Воскресенье», осуждена на семь лет лагерей, отбывала срок на Соловках и в Белбалтлагге; в 1930 г. (как и Мейер) была перемещена в Ленинград, допрошена по «Академическому делу» и снова отправлена на Соловки; освобождена в 1933 г. досрочно. См. о ней: *Лихачев Д.С.* Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. С. 220–230; *Анциферов Н.П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992 (гл. II: «Воскресенье»).

²⁰ Письмо Д.В. Философова от 14 мая 1917 (ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 169).

²¹ См. в «Синей книге» запись 5 марта, в которой Гиппиус одобрительно цитирует реплику о Керенском из дневника Философова: «Даже Д.В., вечный противник Керенского, вечно споривший с ним, сегодня признал: “А.Ф. оказался живым воплощением революционного и государственно-го пафоса”».

²² ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 41.

²³ В.А. Флёрва участвовала в работе Петроградского религиозно-философского общества, входила в близкое окружение А.А. Мейера и К.А. Половцовой.

²⁴ Т.Н. Гиппиус преподавала в гимназии Марии Александровны Шидловской и ее дочери Юлии Ивановны (ул. Шпалерная, 7). О гимназии М.А. Шидловской см.: *Лосский Б.Н.* Наша семья в пору лихолетья // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Т. 11. С. 149–150.

²⁵ См.: Серков А.И. Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 1144; см. также: Старцев В.И. Тайны русских масонов. СПб., 2004.

²⁶ Серков А.И. История русского масонства: 1845–1945. СПб., 1997. С. 114.

²⁷ Иоффе Г. З. «Белое дело»: Генерал Корнилов. М.: Наука, 1989. С. 33.

1917

12 апреля

Была на Марсовом Поле и под Ленинским балконом. Опишу! <...>¹ Есть сейчас люди 2-х родов: с радостью говорящие *да* тем проблемам и надеждам, которые мерцают, есть другие, которые говорят *нет* тому, что действительно заслуживает отрицанья. Есть бодрые, и есть скулящие («нас разбили») – лозунг фронтовых пораженцев, по свидетельству Володи Ратькова², я запомнила). Илюша³ принадлежит к первым. Очень я ему рада и чувствую сразу его своим. Какое-то «Христос Воскрес» в нем есть, несмотря ни на что. <...> Он – *хозяин России*: «Она наша». И вот эта царственность *новая*, а не рабство – чувствуете. Рабий бунт⁴ кончен⁵.

15 апреля

15 апр. 1917 г. Воскресенье

<...> В воскресенье после вашего отъезда⁶ мы с Натой, уже собравшись идти в Калашниковскую биржу на митинг Партии Народной Свободы⁷, почувствовали, что лучше идти на Марсово поле – туда английская и французская делегации (?) должны были возложить венки⁸. Мы зашли к нянечке⁹, взяли у нее красных яиц и пошли туда. Что ожидали, то и увидели: труп <?>, валяющийся под ногами среди прохода и пыли и досок. Углубленные рвы (спуститься можно, не глубоко, иногда почти вровень), кое-где натканы колы для указания, где могилы; какой-то жалкий кое-где, очень изредка завядший цветок в горшке или засохшая ветка. Через могилы проходят для сокращения пути; через могилы перекинуты кое-где помосты, стоят на них солдаты и собирают деньги на памятник, – ведра висят для этого¹⁰. Через Марсово поле ездят напрямки экипажи, моторы и велосипеды и обдают пылью. Я хотела положить красное яйцо и была в растерянности – куда? такое впечатление, что бросить под ноги, положить на пол. Положила я его у засохшей веточки – ярко, издали его видно, кто-то сзади радостно приветствовал «красивое яичко!» Но должна признаться –

трудное дело положить яйцо на эту могилу – как-то все прячутся и стыдятся. «Стыдно верить». Второе яйцо положила под протест двух страшных евреев: «барышня, нельзя туда ходить!» Похороны еврейского стиля – бросить под ноги, как поганое. А чтить только их память. Душою с вами, а труп – без почтения. Он *нужен* здесь, с утилитарной точки зрения, для демонстрации. Для знака. Но и для памятника нельзя, грешно не давать покоя умершим. Все-таки больно. У Толстого зеленая трава, – скройте, заройте меня в траву густую, под небо, *с землей*, с плотью¹¹. А здесь не по-братски, а по-товарищески, городско, фабрично, подножно, без тайны, без тишины. Или хорони с благоговением к личности, *к трунам*, или сожги, – с почтением, но «не обращай вниманья», не «пользуйся ими». Я утверждаю, что этот оттенок *есть*. Уверила, что будет цветник, памятник, будет красота, но *эти дни* – все равно незабвенны, дни равнодушия к хождению по могилам, к доскам. Я думала, что будут все могилы в цветах, и чувствовала себя какой-то юривой, не знающей, кого чтить. И чувствуется, что стыдно и сантиментально бросать цветы на могилы, т. е. на пол. Но так как я всегда надеюсь на лучшее, то хочу ждать, сама куплю цветов – на 18 апр<еля>¹², пойду к ним опять.

Во вторник 11-го была Радуница. От Шидловской¹³ опять я пошла на Марсово поле, чтоб узнать, как насчет религии, было известие, что будут панихиды и крестные ходы¹⁴. Опоздала, крестные ходы кончились. Так: на помосте над могилами – рундук линючий, зеленый, на нем две слинялые красных попоны, на них стоят просвирки и воткнуты в них оплывшие желтые тоненькие свечки, восковые. Лежат рядом яйца, довольно много. Масса обгорелых оплывших свечек: это общие, – непрерывно служатся панихиды и свечи раздаются народу. Я подошла. Стоит священник, служит. Народ вокруг кольцом, довольно много. Неподалеку, не обращая на службу внимания, говорят кучки, довольно громко. Убогость рундука и попон меня не поразила и не опечалила – не из чего тут торжествовать, и что кучки тут же под небом рядом – хорошо. Служили по «здесь, во граде сем и на поле брани жизнь свою и свободу и благо Родины положивших» – и за «правду и свободу Родины убиенных»¹⁵ и за ... еще забыла. Было несколько панихид,

приходили один за другим священники, единоверцы. Ходили по могилам. Пели «Христос воскрес». У одной могилы стояла мать, какая-то лавочница, должно быть. Надо рвом у ног ее цветочек – гиацинт, весь кирпичами заложен, чтобы не утащили верно (моих яиц уже не было) и на кирпиче жалостно стоял сосуд с рисом. Рассказывала, что сыну 16 лет, рабочий, его ранили с 27 на 28 февраля. Умер от ран. Все прибежал и трясся от волнения. Говорили – скажи хоть, где будешь, убьют, и не узнаем. «Ничего, убьют – с честью похоронят товарищи». 5 дней был болен, за час до смерти все кричал: «Товарищи, за мной! Товарищи, не предавайте!». Говорила: «сейчас день такой – склонение духовенства к народу произошло». Потом видела ее – стояла на панихиде. Я подошла к рабочему, который заведовал всеми панихидами, расспросить. Он радостно говорит: «как покойники-то наши радуются сейчас! Дождались и они Пасхи! Да и день-то какой хороший, солнце!» – (и, правда, было тепло). Сиял сам. А солдат тут рядом говорит задумчиво: «да, так красивее». «Вы не видали, – мне говорит тот же рабочий, – утром тут крестные ходы были, хоругви несли! Плакаты и надписи: свободная церковь свободного народа. Да и когда похоронили, – тоже панихиды были...»

В кучках говорили тревожно о том, что<бы> маршев<ых> рот не посылать, что это подвох со стороны правительства¹⁶. Что хотя в Петербург нагнать солдат вместо этого из *городовых*. Один бредил что-то о том, что городовые собираются в Самаре (!) в полки, чтоб идти сюда. Темно, хмуро и безрадостно. Слабые голоса фронтового типа, трезвого <?>.

Пошла оттуда к балкону Кшесинской. Там еще темнее. Преобладают ленинцы. В толпе был (как думается, он – по рассказам) Ленин. Я не знала, что это он, но было как-то неприятно смотреть. Здоровый, розовый, рослый и с презрением к противникам. Ушел в дом. Другой еврейчик рядом. Остался, еще презрительнее и наглей. «Что мне тут с каждым отдельно разговаривать – горла не хватит – вот я оттуда с балкона!». Говорил о вражде, которую сеют буржуи между солдатами и рабочими. Стал уходить – я к нему. Говорю – вы, вот, говорите о розни, а скажите, вы вражду не сеете сейчас? «Мы говорим открыто – мы возбуждаем вражду

между классами!» «А что из этого выйдет сейчас – вам все равно?» «Будет победа народа над буржуазией!» – убежал. Какие-то сзади две работницы на меня напали, ругали буржуев (что-то – не помню – я сказала) и говорят: наплюй ей в глаза – только утрется, вот буржуи какие. Я бы им всем горло перерезала». Один с фронта приехал, спорил. «Я на 2 дня сюда приехал, посмотреть, что здесь делается, и уеду с печалью». Спорил, щека дергалась, бледный. Одни темные, другие с сознанием, по ощущенью, бессильны в своем желании спасти, и что спасенье в том, чтоб работать и воевать *вместе*. Точь-в-точь – мы. Злятся и издеваются темные, плачут в истерике бессильные. Если *усилить* настроения, – то такие ноты слышатся. Одни стоят за свою *правду*, подлинную правду *вообще*, другие за правду *сейчас*, какую-то «общую» правду, ради *России*, более узко.

Сегодня, 15-го на Казанской площади все кучки были противоленинские, и ленинцев вели в комиссариат солдаты по требованию публики. Та же картина и у дома Кшесинской – иная, чем прошлый раз. Масса солдат. Один замухрышка солдатик, на «о» говорит, в лепешке какой-то вместо фуражки, как бы в чепчике, – очень возмущался в кучке перед Казанским собором, с офицером раненым там вместе дружественно говорили за продолжение войны. Офицер говорил, что рабочие только часть народа России, что есть еще крестьяне и что всем нужно думать не о себе, прежде всего. Говорили спокойно очень, что сейчас в государстве денег нет, и требования все свои надо сократить. Офицеры тоже мало получают – вот перчатка у меня рваная, говорит, и шинель в дырках (правда), а денег себе сейчас требовать нельзя. «Думать о родине надо! прежде себя».

Этот солдатик в чепце, глядь, оказался у Кшесинской и опять патриотически снова заговорил. Его подхватил «солдат из разоренной местности», ковенской губернии, и пошло расти возмущенье. У этого солдата глотка здоровая, всем слышно. Подхватили его под руки, качать! Рады, слезы на глазах – как-то трагично уж очень это все. Мать какая-то его благодарила. Говорит – у меня сыновья на войне – и все-таки я говорю – надо воевать – и не хочешь, а надо.

Он говорит: товарищи! Позорно нам оставаться здесь у этого дома, мы не должны здесь быть! <...>

<приписки внизу листа:> А у Думы инвалиды – споры с ленинцами¹⁷. Крики, плакат – знамя красное выхватили при нас, пополам разломали о землю. Что на знамени – не знаю, против Ленина что-то. Матрос-ленинец уверяет, кричит, что надо воевать с Вильгельмом, а с народом мир. Германский вопрос, всех волнующий, – почему через Германию проехал?

Мейер в ярости на Ленина. А все-таки все не к худу.

17 апреля

17 апр. Суббота. 11 ½ утра

Хотя я через ½ часа уйду к Шидловской, но решила писать. Это письмо начну, и буду продолжать как дневник, подробно. Ну, его, дневник для потомства, который я пытаюсь вести в тетрадах. Знаю уж эти тетради, все равно никому не нужно. А письмо, по крайней мере, *сейчас* послужит кому-нибудь, может быть, что-нибудь отразит. Решила так: по мере сил по открытке писать ежедневно и параллельно писать большие письма, писать, что хочу и как хочу и когда хочу, как бы для себя. Открытки – «телеграфного свойства», а это – «газетно-статейного». <...>

«Ленинство» сделалось злобой дня¹⁸ и, *по-моему*, этот интерес – стиля *модности* какой-то. У меня-то уверенность, что это будет с позором побеждено. Как в начале войны была «опасность» со стороны *накипи* прошлого, *националистической*, которая застилала глаза и пугала, но была беспочвенна, выросла на подлинности в принятии войны, так, с другой стороны, теперь та же *накипь* будущего, призрачная, хочет победить ту же подлинность в принятии войны. Та *накипь* портила правду, и эта – тоже портит. Ложь, отец лжи, соблазн. Соблазн оттого, что манит вечной правдой, слова манящие, лукавые, драгоценные для *русского* юродивого сердца (мешок Данилова, обитателя земного шара)¹⁹ – у которого странно-национальная особенность – всемирность, братство, больше, чем «товарищество». (Русский зовет: тетка, дядя! бабушка, братцы, дедушка – и т. д. все такое родственное, любовное.) Все, если бы

их спросить по совести, к чему влечет, распустившиеся русские – все Евгении Ивановы, большевики, утверждающие свое юродство, благодать, потому что его связывают с Богом. Историчность и есть тот «бетон», о котором хлопочет Антон. Т<о> е<сть> Дмитрий, говорящий Евг. Иванову: «Иванов, вам надо за границу!», и Антон, посылающий большевика*²⁰ Соколова²¹ к Струве²² – в сущности желают одного и того же, с нашей точки зрения, России (если признать, что «Россия есть»).

Зина, ты мне говоришь, что я и туда и сюда, что я нигде. Скажу на это тебе следующее. Мы *забыли* свою атмосферу, утратили свою единственную *жемчужину* – понимание сущности вещей и *церковную* революционность – соединение несоединимостей. Мы наше зерно пороховое, зародыш взрывности будущей, перестали хранить и жадно расползлись по партиям. Церковность, органичность, жизнь – одно, а партийность, механичность, дело – другое. Церковность предполагает рост зерна из земли, а партийность работает на поверхности, сеет, жнет и собирает в житницы для сего дня. Отличие этой революции в ее церковном характере, органически выросла из земли *с навозом* (война, кровь). Навоз таскали все (и даже дьяволы служили – отрицательно).

Церковность в принятии войны, в *характере* принятия. Церковность в росте организаций народных по *всей* России, церковность в участии *всех*, даже в Пуришкевиче²³, работающем *положительно*, за *да*. Церковность в Временном Правительстве*²⁴ и всех сил на *да* направленных. И церковность в поступке Керенского (соединение несоединяемого)²⁵. Когда одна часть хочет быть целым, как левая она не церковна, а партийна. И когда партийность, – то вопросы момента на первом плане. Вопросы часа и вопросы минуты. Мейер смешивает понятия церковности и партийности и органичность с механичностью. В этом все дело. И часть с целым. Я еще буду потом говорить, как с собой²⁶.

20 апреля

Ант<он> с Илюшей встретятся на мужских делах. Илюша очень хочет видеть Антона. Мейеру передавала о том, что Зина хо-

чет их познакомить с Илюшей, но они как-то не очень друг на друга реагируют. Почему – еще не поняла. И Амалия на Ксению²⁷ – тоже. <...> 1-го мая ходила по улицам, слушала в толпах народ, где раки зимуют. Слушала *церковный голос народа, а не партий*. И он вот какой: есть *Россия*, мы все *братья* (и германский народ), народ один, нам чужого не надо, жертвуем собой ради других, надо освободить Бельгию и др. народы, война с *Вильгельмом до победного конца*. Это все военная свечка, это церковный лозунг, мои выписки 1915 г., *из псалма*: избавь, господи, нас от врагов наших. Не меч спасет нас, не на меч уповаем, но Ты господи, спасешь нас. Восстань, Господи, защити дело твое, ибо наполнилась земля насилем и кровью и враг наш это тот, кот<орый> был для нас то же, что мы, друг наш, близкий нам. Услышь, Господи, и смири восстающих на правду и мир. При умножении скорби земли – Господь защита, поклонимся Ему, ибо он Единый царь и все народы – народы паствы его и овцы руки Его²⁸.

25 апреля

25 апр. 1917 г.

Самое лучшее средство (в моей системе воспитания) заставить прекратить третьеклассника неистовствовать и будоражить класс – возложить на него какое-нибудь ответственное поручение. Он делается разумным и распоряжается наравне со старшими, воспитателем и т. д. Наши *левые* товарищи – это 3е-классники <так!> нуждаются в такой системе. Не нравится тебе, как правят, – иди, пожалуйста, сам. Не хотят, – говорят, слиняем, как Керенский, а нам нельзя лиять, т. е. брать на себя ответственность. 6 раз предлагалось составить коалиционное правительство, и отказывались²⁹. Вы прочтете, конечно, в газетах и весь ход поймете, но хотелось бы передать спокойно и беспристрастно, как очевидице, все, что было на улице в эти 2 дня. <...> Начну просто и по порядку.

Днем 20 – тревога. Временное Правительство... нота Милюкова...³⁰ Амалия что-то недоговаривает... А если Временное Правительство уйдет и его заменят социалисты?...³¹ Вообще в воздухе тревога. На улице кучки. Но т<ак> к<ак> за эти дни и

1 мая все время на улицах собирались кучи и разгорались странные споры ленинцев с русскими гражданами – то это еще было не ново³². Вечером еду мимо Думы на 18 № в Городскую думу³³ на митинг социалистических групп – о войне доклад, послушать их и свящ<енника> Раевского*³⁴. Выхожу на Михайловской³⁵ – необычный вид Невского. Огромные митинговые толпы, посреди улицы, не считаясь с трамваем, в воздухе гроза. Пошла было в здание Думы, и вышла, – нет сил в 4-х стенах. Погода хорошая, белый вечер. У Казанского собора большая толпа. Негодующие крики на подозрительного, шпиковского вида ленинца. Наступает толпа так грозно, что тот ушел. Уйти дали, но пошли за ним, преследуя. Ноты глубокого негодования и возмущения. Люди трагически возмущены, но свирепости и злобы не было. Негодование возбуждают и сами «ленинцы», их вызывающий тон, подсмеиванье; этот стоит, курит папиросу, а кругом люди из себя выходят. Особенно потрясающе, когда говорят приехавшие с фронта. Чувствуется, что они что-то *знают* такое, что не передается словами, но отчего у них дрожат мускулы на лице, отчего они бледные и готовы унизиться до паденья на колени, до унижительной земной просьбы. Это поистине желание предать себя, чтоб спасти Россию. Печать мученичества. Невыносимо и стыдно смотреть им в лицо: *Сейчас* мученичество на них и на ответственных лицах правительства. Причем, я наблюдала, что ни в одной куче не было «зверства» – т. е.: убить Ленина, повесить и т. д. «Убрать, изолировать, посадить в сумасшедший дом, отправить в Германию, арестовать (самое крайнее), выгнать из дворца Кшесинской».

Стоя в толпе у Казанского Собора, я увидела маленькую кучку манифестантов, – с грязной тряпочкой – длинным узким красным флагом³⁶ – край от палки оторван – и криво и бледно написано на нем мелом: верить Временному правительству... Вид внешний очень подозрительный, не внушающий доверия. Впереди какой-то человек в кепи и затем матрос кричат – товарищи, присоединяйтесь, доверие Временному правительству! Думаю – погоди, нет ли здесь какой пакости... пошла сначала рядом. Все недоверчиво стоят – смотрят – не присоединяются. Кричит: «да здравствует временное правительство и совет рабочих и солдатских депутатов!» А, думаю, –

это доброкачественная, не злостная, не вызывающая демонстрация, а тон верный взят, тон «да», а не «не» – и присоединилась. Пошли скоро, нервно к Мариинскому дворцу³⁷. Свернули на Морскую³⁸. На встречу идет процессия – роскошные плакаты, надпись: 1) «долгой Милюкова», 2) «да здравствует Интернационал». Произошло замешательство, знамена поколебались, потом разошлись мирно³⁹. Толпа немного увеличилась наша, кричали «ура» временному правительству и совету рабочих депутатов. Шли рядом, рука в руку, нога в ногу, как научили ходить за день похорон рабочие⁴⁰. На площади уже смеркалось. Стояли разные люди. Были недовольные Милюковым. Слышалось «империалист<ические> захватч<ики>», «германский народ», «братанье», «буржуазные правительства», «тайный договор». Зловеще. Стали подъезжать – Львов⁴¹, Гримм⁴², еще кто-то. Говорили с лестницы вестибюля, народ встречал восторженно, ура. Толпа все росла. Я с каким-то поспорила, спокойно. Они сердились. Два приличных субъекта. Странно: у всех противников как бы завешаны глаза и уши на то, что сейчас реально происходит: не видят – есть война, есть Россия, есть Союзники. И посему злятся. Это все как бы неважно, и не так надо *вести* войну, а *кончить* войну надо с германским народом как-то, помимо правительств, – и своего и союзнических, и Вильгельма, за их спинами, самовольно. И что (совершенно чудесная идея) германский народ не слышит призыва, ему не позволяет услышать буржуазия (как наша, так и английская и германская). Правительства, буржуазия, английское правительство ведь не хотело Ленина пустить в Россию, он и приехал через Германию.

А Вильгельм, война – это деталь! (!) Да и Николай II деталь. Штюрмер предатель⁴³ – пустяки (тон). «Та же банда буржуазных правителей держит наших товарищей, германский народ – как в тюрьме, он ничего не знает. А вот уж братанье идет на фронте, значит, дело идет на лад»... и т. д. (А братанье и раньше было, Пасхальное⁴⁴, у меня в книге сохранен целый ряд такого трогательного, *человеческого* братанья на празднике*⁴⁵).

Да, язык не двигается говорить в тоне ленинцев у дома Кшесинской о России и войне. «России нет» – этот запах от них идет («ленинцы»).

Дальше. Со стороны Исаакиевского собора пришла процессия рабочих с плакатами «долой временное правительство». Но пришли (угрюмые) и растаяли в этой толпе. Как, куда исчезли, не уследила, потонули. Но все было мирно.

Потом наша процессия пошла, собравшись, опять к Морской. Непрерывно возглашалось: да здравствует временное правительство и совет рабочих и солдатских депутатов! Ура! Понесли свою жалкую тряпочку. Наш вожак надрыгается в крике. Какой-то озлобленный солдат пытался кричать: «долой Ленина», идем «к Ленину», но его не поддерживали, – мальчики класса VI какого-то училища тоже пытались кричать долой Ленина, но тут я с полным правом воспитательницы по системе Монтессори⁴⁶ им воспротивилась. Что не надо уничтожающих лозунгов, и только утверждающие; сейчас такой момент – да, а не <нрзб.>.

Послушались. На углу Невского на нас прямо, в упор, идет другая демонстрация, – и встретились. Увидала солдатские шинели и винтовки и убежала в сторону от греха. Гул народа, крики ура, Невский полон. (Трамваи ходят все же.) Подождала на углу. Опять вожак – матрос неумолимый собрал нашу жалкую кучку. Знамени уже нет, у нас его вырвали. Нас – маленькая группа. Видя нас в таком униженном состоянии, – никто не присоединяется. В нашей кучке возмущенье вооруженьем. Какой-то реалист, мой сосед, возмущается: – «это придется самому револьвер носить! На безоружных с винтовками...» Наш матрос остановился и собравшейся толпе рассказал о печальном инциденте митинговым голосом: «Это были не солдаты, – солдаты с нами были, – это была кучка хулиганов!» Его приветствовали криками ура. Тут я ушла, и уже дальше раздались опять крики, и со стороны Казанского собора приближалась огромная процессия за временное правительство. Должна сказать, что это было очень волнующее зрелище. «Спасибо, милые!» – вот что хотелось сказать. Уже крики громче: «Долой Ленина! Товарищи! Да здравствует временное правительство! Ура! Товарищи, присоединяйтесь!» Их приветствует *Невский* (п<отому> ч<то> народ – по всему Невскому), и голос – *общий* – «ура! Да здравствует временное правительство». Кричат ура (как в идеале рисовались прежде овации народа царю). Ох, все-таки как это все больно и потрясающе.

Я из цепи как вышла, задела за руку и потеряла шляпу (мне ее дали), в нос кто-то нечаянно меня двинул, но, в общем, порядок полный и толпа нисколько не паническая. И я тоже⁴⁷.

Эта процессия очень утешила – она уже внушала надежду на победу, – а то на площади еще каких-то 2 истеричных курсистки ко мне кинулись «Милуков арестован?» О, нет, улица знала бы раньше всяких курсисток, если бы он был арестован! Львов (обер-прокурор) говорил речь с лестницы Мариинского дворца, еще Grimm – в это время, значит, арестов нет. Вот 2-й день описать хорошо надо было бы, замечательный день. <...> Я видела *сущность* явлений, и мне важно в виду наших всех споров особенно узнавать, что народ, вообще, вместе, а не части, не партии.

Я сейчас думала: 2 стороны теперь. Со всех 2-х сторон – *слезы* (правда, искренность). Но одну сторону слезы сопровождают <так!> еще 1) слюни 2) сопля... а с другой 1) пот 2) кровь. Т.е. сейчас стоять на позиции антигосударственной – это распуск, слюняйская сантиментальность <так!> (Волочкова⁴⁸ о «братстве народушков»), отращиванье волос Евг. Иванова⁴⁹, вонь Василевского⁵⁰, вши, а м<ожет> б<ыть> ... и *преображение мира*. С другой стороны – воля, рассудок, железный панцирь, сжатые зубы, а м<ожет> б<ыть> ... и убиванье святости, пятючек от полу, юродства Евг. Иванова, Данилова мешка («обитатель земного шара»). Два Риска – и там и тут. А хочется чуда! А хочется распуститься! А хочется мирной жизни, а хочется сказать, – не убий! А надо: рассудок, подтянуться, война, иди в атаку, – а то при тебе *все равно*.

Кто русский, – тот знает, что национальная черта русских – всемирное братство. Потому-то заикнись об этом, растолкуй об интернационале, – *свое* узнает, да еще освятит и углубит. Но и распустится.

«До Берлина пойдем, Берлин возьмем, – а потом им отдадим. У Вильгельма отнимем, народу отдадим», – война с Вильгельмом, чтоб потом мир с народом, – это говорит властитель, а не раб, тварь дрожащая, заискивающая.

Помочь надо немцам войной, а не слюни распускать на крови⁵¹.

27 апреля

Получаете ли вы «Речь»? «День»? «Биржевку»? Это 3 газеты, в которых отражается более или менее верно все, что происходило. «Дело народа» перегибает, «Правда» совсем недоброкачественная газета. Одним словом, в «Речи» и «Биржевке» о событиях все, что нужно было фактически. <...> Чувствую благодарность «Единству»⁵² и заграничным друзьям, Совету крестьянских депутатов – создание их⁵³. «Спасибо милые» – вот есть это в душе. И за *весь день 21-го*, тем *всем*, кот^{орые} выразили признание Временному Правительству. Спасибо за себя и за *все*. «Спасибо милый» – Керенскому, спасибо милые – армии, спасибо милый – Церетели за его резолюцию в Совете рабочих депутатов⁵⁴. За единение. За церковность этого момента. Для каждого момента есть своя *церковность*, момент жизни. И партийность – момент *дела*. Сейчас партия и дело посторонились – идет жизнь и церковность, идет *вместе*, идет коллектив религиозный. И надо смирение. Очень сегодня верно в «Единстве» передовица⁵⁵ (сохранила) – о социалистическом обществе и пути к нему⁵⁶.

30 апреля

Сегодня речь Керенского хороша⁵⁷. Как раз о рабстве русского народа⁵⁸. Речь именно человека труждающего и обремененного. Та же *печать* бремени и ига лежала на Гучкове⁵⁹ и др. в эти трудные 2 дня.

Расскажу о дне 22-го апреля. Я была у Поликсены⁶⁰.<...> Пришла в панике, что на Невском Гражданская война, стрельба – и т. д.⁶¹

Мы с Поликсеной вышли в цветочный магазин – Караулову⁶² заказать крест из цветов от Религиозно-Философского Общества⁶³. Там близко площадь Мариинского театра. Простились. Вышла. Погода средняя. Толпа большая. Спокойная по действиям, но упорная и стойкая. Паникой, страхом «толпяным» от нее не веет. И не празднично-любопытная, а с очень определенным

общим каким-то упором. Говорят ораторы со ступенек, все кричат ура. Говорил матрос о стрельбе, что «мы пришли сюда, чтоб спросить Временное правительство, что оно думает предпринять, чтоб оградить мирных жителей от подобного вооруженного нападения». Солдат рассказывал, как он вырвал винтовку. Вызвали из толпы свидетелей, пошли вместе в Мариинский дворец. Матроса этого выбрали председателем. На балкон вышли <нрзб.> министры. (Видела и Васю⁶⁴, а Ант^{он} не вышел, потому что было очень холодно). Говорили Grimm и Зарудный⁶⁵ и еще Волков⁶⁶ о том, что меры будут приняты. Им овации, временному правительству. Говорили опять из толпы солдаты, главным образом. Один замечательно живописно своеобразно, так что писателю записать бы его речь стоило. Темы – Ленин, Временное правительство. Отрицательное отношение к Ленину⁶⁷. Солдат *идеально* выставил должное отношение и сущность этого явления, нам бы поучиться осудить эти «вилы»⁶⁸.

Под «Лениным» *скопом* осуждалась *вся* вильная линия и была жажда *здоровья* и решительности в действиях – *в этот* момент. Доверия, доверия власти! Власть единая, наша! Верим вам, а вы верьте нам, а не тем, кто хочет вас долой. Мы – голос России, Россия ваша и наша, а те – «ленинцы» *о ней* забыли, как о живой, как о матери. Верьте и действуйте!

Когда на автомобиле появились солдатские депутаты и стали уговаривать успокоиться, толпа искренно отвечала: да мы спокойны, вы тем говорите, к ленинцам идите, нам нечего об этом напоминать.

Появились Скобелев и Богданов⁶⁹. Богданов говорил, в сущности, спокойно и правильно; что не нужно страстей сейчас, что Ленина трогать нечего, не стоит, каждый имеет право пропаганды, что он с Лениным не согласен, что надо потерпеть, что совет рабочих депутатов с временным правительством *сговариваются*⁷⁰. Но не дал утешения, потому что говорил не на тему. Ни горяч, ни холоден; ни друг и ни враг. А только *другу* спокойному и беспристрастному поверили бы. Толпа слушала холодно и явно осуждала позицию Совета рабочих и солдатских депутатов, как не понимающего своего положения и имеющего поползновение встать ря-

дом с правительством. «Как *единое* – утверждаю – как Временное правительство с помощью*⁷¹ друзей – солдатских и рабочих депутатов, а как контролирующее учреждение и мешающий орган – осуждаю» – толпа так смотрела угрюмо, печально и с тревогой. Но не было *злости*, была печаль. Злобу я видала за это время только у «ленинцев», у тех, кто за «не», а не за «да». Потом Скобелев, когда какой-то прапорщик все хотел перебить Богданова что-то сказать, – обозлился и стал как-то по-дьявольски гримасничать брезгливо и кривляться, точно бес. Очень было неприятно. Потом я пошла было к Невскому, <потому> <что> толпы с знаменами «За Временное Правительство» все стали прибывать, с криками ура, и я побоялась не выбраться из толпы. Но не могла уйти. От Казанского собора, с митинга все шел народ. Одна процессия за другой. И радостно приветствовали толпу перед дворцом. Тут шли и с английским флагом и кричали французам: *Vive la France*. Я на Морскую, только что хочу идти домой – опять навстречу процессия – я опять не могу – поворачиваюсь, иду назад. И погода разгулялась, солнце, закат, хорошо и такое «церковного духа» единение, радостного – как первые дни революции. И все кругом свои: и никто над тобой не властен – дух внутреннего благородства. Пристала к одной процессии работниц какой-то фабрики. Схватила какую-то под ручку и обратно пошла, и пела «Вставай подымайся рабочий народ»⁷², как они. Потому что они не *за себя* пришли, я им обрадовалась, и что душу свою как бы потеряли, чтобы найти ее в церковности.

Потом часть флагов отделилась и пошла по Фонтанке. Я с ними, опять рядами, очень много. Остановились у военного министерства⁷³ и тут, Гучков, больной, говорил речь. Овации, толпа чуть не давила друг друга, чтоб послушать. Весь мостик и та сторона Фонтанки – в народе. Рядом, в частную квартиру вызвали по телефону «Милюкова или Керенского, кого-нибудь из Временного правительства» (это характерно, что требовали *символа*). Ждали. Составили цепь (я хоть в цепи поучаствовала всласть). Встретили с овациями Милюкова, принесли Гучкову кресло – на балкон частного дома. Милюков говорил о том, что сегодня экзамен зрелости государственного народа <?>⁷⁴. Видала в толпе разных людей.

Растроганных. Пот и кровь. Как надо было возмутить «петроградского гражданина», чтоб спровоцировать такие овации на улице с таким подъемом протеста и утверждения России. Никто здесь не разбирал, кто Гучков – октябрист ли, буржуй и т. д. – он за единение, за Россию как целое, за союзников.

Ушла на Невский. Там опять группы, споры, возмущенье Лениным. Уже пья <не дописано. – М.П.> Да, перед уходом на Фонтанку, часу в 8-м – начале 9 – словила воззвание партии народной свободы о том, чтоб поддерживать Временное Правительство. Но было уже ни к чему, все шло без них и делалось все грандиознее и грандиознее, триумфальнее.

У Гостиного двора встретила процессия с флагами белыми и красными пополам, почему-то Невский побежал за ними и окружать стал. Они пели рабочую песню, – и это сигналом послужило (за временное правительство кричать ура, без песен). Побежали, главным образом, солдаты, которые до этого всех просили расходиться по домам (от Совета рабочих и солдатских депутатов было отдано распоряжение об этом). Очень сильно побежали с криками. Побоялась, что меня свалят с ног. Жутко за все стало, стемнело, зловеще. Зашла в часовенку у Гостиного двора⁷⁵. Купила свечку, а там тишина, только свечник-дьячок в смятении на улицу выглядывает. Два солдата, серые спины. Священник Евангелие читает: «возьмите иго мое на себя, ибо я кроток и смирен сердцем – иго мое не тяжело и бремя мое легко»⁷⁶. Именно тяжелое бремя, а со Христом – легче. Поставила военную свечку.

Вышла: Невский черный, солдатский, кричащий, в волнении. Где-нибудь, верно, тут и стреляли, как оказалось, я не слышала. Около 10 ч. вечера⁷⁷.

По *тону* величавости, внутреннего благородства и тишины, по зрелости и «церковности» – этот день 21-го апреля был подобен двум первым дням революции. Похороны⁷⁸, как и 1 мая, – тревога при празднике официально признанном.

Караулову мы с Натой заказали крест из живых белых лилий с красной лентой. Надпись золотая: «Р<елигиозно->Ф<илософское> Об<щест>во своему члену В.А. Караулову» за 60 р.

Антон возложил 23 апреля на могилу и говорил коротенькую речь. С фронта приехал сын Караулова. И надрывно было его слушать, тревожно, когда он говорил о решении бороться до конца⁷⁹. Кто-то ему крикнул «спасибо!» Дай Бог нам побольше таких сыновей, как сын Караулова! Антон должен был говорить после этого — и едва удерживался, чтобы говорить спокойным тоном. Он говорил о том, что не надо стыдиться любви к родине...

Вечером в зале Биржи был митинг в память Караулова, выступал Антон. Очередь на вход была от Биржи, по набережной на несколько линий⁸⁰. Даже страшно. Попали вместе с Антоном. Овации членам временного правительства были опять и всем участникам^{81 82}.

2 мая

Гучков ушел⁸³. В «Единстве» хорошая статья сегодня Плеханова «Отечество в опасности» об «антинационале» и «интернационале»⁸⁴. О дисциплине, разложении армии. Нападает на совет рабочих депутатов, разбирает слабости, грозящие России. Готова ему в ноги поклониться за его мудрость. Он призывает стать выше сектантского догматизма и партийных предубеждений, сплотиться левым партиям во имя лозунга «отечество в опасности» — зовет к церковности опять-таки. «Спасибо, милый».

За Гучкова как за символ. Умный человек и живой. Я не хочу раков, я не могу с раками больше. Я изнемогаю, потому что раки не тут зимуют, для себя я знаю решительно. Раки есть социалистические, потому что *социализм* — человеческое и христианское в корне, съедающее государство, явление. Но эти живые раки — они не с Нахамкисами, не с разлагателями жизни⁸⁵. Так мучиться, спастись от них свечками, как от дьяволов, и любить этих сдэчных <так!> раков я не могу. Во всяком случае, *путь* к ракам другой. Они узурпаторы, воры, развратники. Развращают детей, соблазняют конфеткой и насилуют за углом. А конфетка не *их* духа, они ее украли. Они ложь, небытие. Я не могу этого духа небытия выносить, это насилие дьявола над религиозной живой человеческой совестью, вечно Монтессори, вечно примиренье — братанье с дьяволом какое-то

<...> Амалия переезжает завтра на квартиру. Обещала в воскресенье взять ее в Казанский собор к обедне. Мы с Натой (Ната выдумала) ходим каждый день в Казанский собор ставить свечку Воскресенью и Николаю Чудотворцу (он военный) и Божией Матери (мамочкиной). Не смейтесь. Нечем нагнетать молитву, негде быть. Наша военная горит каждый вечер, но она все-таки не обще признанная всеми нами (Зиной и Дмитрием не признанная), поэтому, как Временное правительство мучимое и разлагаемое безвластно, и страна разлагается без силы, — так и наш коллектив бессилен, когда не целен. Подпираемся костылями. Сегодня я была. Священник служил молебен и читал Евангелие «просите, и дастся вам, стучите, и отверзется»⁸⁶. И о том, что отец небесный тем паче даст просящим у него. И я это приняла, как известное давно мне слово. И еще горит перед иконой причастия (чудотворной) лампадка день и ночь. И еще перед сном перечитываю вслух все, что написано из псалмов о войне. И еще те молитвы, которые написаны. Очень хорошая молитва Антона⁸⁷. Не понимаю никак, почему мы не собирались за 3 года, почему?

А может <быть>, из всех испытаний выйдем победителями? Может <быть>, нужно искушение? И правда — посередине?

Татьяна

- 1) Война до полной победы.
 - 2) Мир всего мира.
- ↘ Правда здесь.
↗

3 мая

Уже Гучкова нет, нет и Милокова. Остается встать на высокую гору высоты Эльбруса и беспристрастно взирать на историю и следить за пароксизмами болезни. Наблюдать за лечением, ждать кризиса и утешаться, что история не бессмыслица и Бог не дурак. Иначе можно разложиться окончательно или начать сходиться с ума. С высоты Эльбруса видна «болезнь» перелома жизненного

в России, а может быть, и дальше – от детства к юношеству или от юношества к взрослому возрасту – я не знаю. Но чувствую, что эти спазмы и корчи не случайны и даже, может быть, естественны. Может быть, и *наши* корчи были не к смерти, я так утешалась и утешалась. Мы болели вместе с Россией, и из корчей выковывается правда России. *Человеческая правда.*

В сущности, как естественно было бы кинуться навстречу молодому юродству и взлететь пяточками кверху – так и свойственно. Но... «несоединимо» и «надо считаться». Милюков – чуждый «мущина», без «тайны» в жизни, – что же заставляет за него так держаться с «слезой», которой он абсолютно *по существу* не вызывает? В чем дело? Только сегодняшняя *минутка*, не соединяющий день, а минутка.

И м<ожет> б<ыть>, его святость-то на минутку, и это надо принять почти *сверху вниз*, не борясь, п<отому> ч<то> он *уже* отдал себя, пережил для будущего строительства, а сейчас, *пока* нужны снаряды и пушки, нужны и Милюковы. Потому что война – мужское дело. Оттого так и вышло: на одних плакатах – «долой Ленина», «Ленина и компанию – в Германию», на других – «да здравствует Милюков», «да здравствует временное правительство и совет рабочих и солдатских депутатов». Сейчас, на сию *минутку* существуют «победники» и «пораженцы». Плеханов – какой умный человек. «Единство» его читаю с удовольствием и чувствую, что я плехановка с оправданием его *религиозно*.

Вчера была на лекции Мейера «Церковь и Государство» на агитаторских курсах⁸⁸. Он где-нибудь да читает каждый день. Вчера аудитория была рабочая, и он защищал церковь и религию от Нахамкисов. Говорил просто и хорошо, но многое напрасно, очень далеко и поэтому несколько туманно, а м<ожет> б<ыть>, и соблазнительно. Вопросы интересные ему задавали.

<...>

Антон просит вас передать, что назревает тоска по органичности, религиозности против с-дэков, марксизма и прочей механичности. Что тут лицо зверя, а не человеческое, не живое, а маска; что м<ожет> б<ыть>, социализм вольется совсем в другие формы, а что

в этом призрак и ложь. Ната каждый день читает псалмы, обставила военную свечку, как могла, украсила. Дай Бог воскресенья.

Еще кризис не закончился. Из завтрашних газет узнаете. Завтра уезжает Савинков на фронт. Амалия мне про него до сих пор ничего не успела рассказать. Что-то нехорошее⁸⁹. Завтра идем на крестьянский съезд^{90 91}.

4 мая

4-е четверг

<...> Перед уходом Гучкова – перед начавшимся кризисом – иду к старухам⁹², читаю «Вечернее время»^{*93} на улице, навстречу какой-то солдат в кожаной куртке. Видит, что я читаю – «Что? Родина на краю гибели?». Я оглянулась, и такое издевательское лицо, насмешливое, что-то дьявольское, что стало страшновато. Сказала ему только «да» на всю улицу и не успела больше, – прошел мимо. А назад когда шла – первый вечер без фонарей (1 мая), темно, силуэты по Шпалерной, а кто – неизвестно. Жутковато, как во сне. Навстречу идут два солдата, обнявшись, посреди улицы. Шатаются и пьяными голосами поют хрипло, вря:

«оттрекнемся <так!> от старого мира! Отрясем его прах с наших ног!» – вот улица как разговаривает, символически. Знаешь, когда грозно, когда церковно, когда зловеще. Я через улицу войну приняла трагически и жертвенно, как весь народ и рабочие – тогда было благородно. Было «ради» на сию минутку. Теперь 3 рода людей: 1) Сия минутка *мое* дело как дело общее – Гучков + Плеханов, 2) Сия минутка *не* мое дело (Мейер) 3) сией минуткой воспользуюсь, она моя (ленины для меня)⁹⁴.

Слава Богу, горизонт расчищается. Лишь бы расчистился. Ушел Милюков, ну и ушел, если это делу помогает, пусть уходят хоть все. Я думаю, что и члены Врем<енного> Правит<ельства> не за власть держатся, а рыцарски хотят помочь России. К сожалению, только *эта* половина национальна и на страже *России*, и начинают проникаться и левые, что, если не скажешь – *есть* Россия, то провалишься. Не то что так: «я не говорю, что нет России», «я не говорю, что не надо воевать, воевать, конечно, нужно, но до полной победы – нельзя». Да чего бояться?

Война с самого начала, *в существе*, русскими *взята*, как не захватническая. Это внутри завито было, органически. Оттого и праведность жертвенная была. И национальность была, как бы с праведностью ощущаема. М^{ожет} б^{ыть}, у Гучкова и был оттек Руси, но он был не современен, а потому не страшен, уже как отжившая накипь, шелуха. И союзники исторически вели войну не старую... впрочем, я все о том же надоевшем...

Правда, нужная <так!> средняя линия церковная и, может быть, она найдена будет и в коалиционном министерстве. Учатся друг от друга. Только без религии страшно, но надо в середине воздвигнуть военную свечку, и все будет хорошо. Миро-военную? Нет, в военной *уже завит* органически мир. В этой военной. Так чувствовалось всегда. Татьяна

59-й псалом хороший⁹⁵. Ната под военной свечкой повесила Гучкова и Милюкова и украсила их национальной лентой (сегодня Ксения придет!) из бумаги. У Гучкова бант, а у Милюкова 3 союзнических флага. Когда свеча горит – они скрываются во тьме. У меня в углу перед военной свечкой лежит сам Нахамкис⁹⁶, жаждущий преображенья и соединения с войной: 1-майский жетон⁹⁷, а Ната протестует. Вот – багажи разные. А у Антона хоругвь Х^{риста} в красном и гигантское красное яйцо.

<сверху листа приписано:> Плеханов *церковен* (революц^{ионно}-церков^{ен}) – в нем *соединение несоединимого*, он *антиномичен*, как вся *наша* позиция, – и от этого пафос⁹⁸.

8, 10 мая

Канун Троицы. Ната едет с Антоном на лошада^{ях} врем^{енного} прав^{ительства} кататься (он по делам) и в Каз^{анский} собор заедет. Еще и Коновалова⁹⁹ преображать теперь будет под воен^{ной} свечкой. Вчера была на лекц^{ии} Мейера. Хорошая лекция, благородн^{ый} тон, п^{отому} ч^{то} «вильная». И изменил позиции – культуру защищает и тварь преображает¹⁰⁰. А насчет того, *когда* будет момент полного переворота – не говорит, наоборот, – о сегодняшнем, о сей минутке – не надо, не будем. В этом все. <...> А как сейчас жить, где сейчас быть – это не наше дело, а где-то, где-то. <...> Поразительно, что Евг. Ив^{анов}

интернационалист и жертвенно готов отдать Россию. Женская пассивность, благородное жертвенное самозаклание¹⁰¹.

7 июня, Прибыtkово¹⁰²

Я *сейчас*, пока Нахамкис не преобразился до откровенного *активного* признания необходимости вести войну до *конца* (такое нужно *решенье*, чтоб что-нибудь вышло), считаю, что *партия* сейчас *непораженческая* (как партия целиком) только кадетская. Остальные стараются об ней забыть. Пока. Но, Слава Богу, кажется, в вопросе о войне отдельные *лица* с.-р. не только говорят «мы не говорим, что не надо наступать!» (Мейер говорил, что он никогда не был пораженцем).¹⁰³

9 июня, Прибыtkово

Сегодня попали на организационное собрание «армии чести», идущей на французский фронт¹⁰⁴. Офицеры – солдатами. «Спасибо милые». Решено исключить «политику» единогласно. На русский фронт – тоже, особо формируется. Невозможно не потрясаться. Я не могу быть равнодушной. Есть надежда, и есть радость. Здоровая волна идет оттуда, откуда ждали ее столько времени. Со стороны социалистов, я думаю, этому способствуют с.ры и Гримм. Слава Богу!¹⁰⁵

13 июня

Вчера видела организаторш «женского военно-народного союза добровольцев»: несколько нас пришло за билетами, а они оказались еще не готовы¹⁰⁶. Т^{ак} что поговорили. Какие-то все лица милые, и у тех, кто пришел-то помогать. Ничего нарочитого. Вроде курсисток, деловых, очень женственных, только без выпячивания своего или чужого пола. Просто люди, которые родились женщинами.

Нельзя же жить в казарме с солдатами – ну и собрались для общежитья вместе. У них ученье общее, обязательное. И когда пройдут курс солдатск^{ого} обучения (и на велосипеде, из револьв^{ера})

стрельба), тогда по образованию, по способностям и выносливости и желанию будет распределена работа. Образован<ые> могут быть на телеграфе, неграмотн<ые>, но физически сильные – на физич<ескую> работу. Но отряд не будет распылен. И при нем будет медиц<инский> персонал: или Петропав<ловской> больницы или союза городов¹⁰⁷. <...> Меня удивило, напр<имер>: одна замечательно милая девушка с голубыми глазами, с приятной улыбкой, – как совершенно просто рассказывала, что она была у Бочкаревой¹⁰⁸ и ушла сюда. «Там совсем не то – она очень грубая. И дерется. И они все там считают за какую-то честь быть неряшливыми, у них даже насекомые. Читают “Правду”. Говорят – ну, что теперь уж с нежностями, не барыня! Не причесываются. И многие от них уходят». А другая совсем молоденькая, с серьезным лицом, какая-то приказчица из Гостиного двора. Просила билетов для распространения «подороже». «Я там среди богатых купцов буду распространять». Сама уже стриженная, уже доброволец. Не знаю, как пойдет у них – пока хорошее впечатление. Организаторша (тоже молодая) озабоченно мне говорила: «вот не знаю только, как мне сделать, чтоб на кроватях не лежали, чем бы занять? И семечки грызут – ну, этого-то не будет, надо чтоб было чистенько, чтоб примером служить... Я думаю, Натэ записаться через 6 недель, во 2-ю очередь. А я еще про себя не знаю, боюсь оскандалиться <...>».

Я понимаю, отчего так жить тяжело сейчас. Мы, как мы, фактически религиозный нуль. Т<о> е<сть> некуда идти. Нам же, самим. В самый мучительный момент – нигде. В самый мучительный момент – нигде. И вот я подумала: Маркович¹⁰⁹ шел на войну – как-то у Ксении крутился, благословлялся Волочковыми¹¹⁰, а не нами, т. е. не вместе. И сейчас вот мы, я, Ната, ярко захотели пойти добровольцами – и не подумали «благословиться». А сами за себя решили. Я еще хоть *теперь* об этом думаю, с точки зрения часовенки. И представь – я могу не пойти из-за красных ног из-за старости, или <из->за того, что в *тылу* часовенку надо хранить, могу Натэ не пустить тоже, не веря в ее выносливость – но чтоб подумать: а м<ожет> б<ыть>, *часовенка бы не позволила?* – этого я *не могу* себе представить. Значит, что же это? Я все-таки военную свечку не только жгу, но и воплотить хочу, как правду??!¹¹¹

30 июня

Керенский удостоился у Натэ теперь почетного места, вместе с Гучковым и Милкоковым, весь в Национальных лентах висит под военной свечкой¹¹². Завтра опять еду в П<етер>б<ург>. Зайду к Амалии. М<ожет> б<ыть>, Антон что-нибудь узнал об эвакуации подробнее¹¹³. По-видимому, ждут серьезных операций на Рижском фронте, – по газетам судя. Говорится довольно открыто о том, что даст Бог – и здесь инициатива будет в наших руках. Что немцы готовятся, что колыбели русской Революции – Петрограду, надо надеяться, не будет грозить серьезных опасностей, ибо солдаты не подпустят и т. д. Представьте себе, что сидя *здесь*, так мучительно живя все это больное, чудовищное, предательское время и ощущая оздоровление нынешних минут, – теряешь (в радостном отдыхе от позора и внутреннего кошмара) сознание опасности или боязнь немецкого нашествия. Т<о> е<сть> немецкое нашествие есть *несчастье*, но не позор, не безумие, не унижение, не паденье. До революции *этот же* кошмар *унижения* переживался в предательстве нашего царя и компании, и безумие – в пораженцах. Никогда за все три года не было душевного отдыха от позора!

Только до революции и был отдых с теми, кто организовал Россию и пытался вести войну *помимо* царя, *вопреки* царю. А после революции с теми, кто пытается вести войну *помимо* социалистов, *вопреки* социализму. Так ясно надо сказать (п<отому> ч<то> война *противоположна* социализму). Совместить нельзя. Только можно – *чудесно* совмещать*¹¹⁴. И по-новому религиозно, с «сей минуточкой». От «хлеба насущного на сей день» до «да придет Царствие Твое». Мы не партийны (односторонни), а церковны (двухсторонни). А церковность искать надо не в раках только, ибо это только схемы, без живого содержания, которые и есть «хлеб насущный». Только *чаша*, без того, что внутри. Нельзя пить и есть, нельзя *жить* со схемами. Как раз это – была тема нашего разговора с Мейер<ом>, 1 ½ часового, по телефону. Он говорил, что все его схемы осуществляются в жизни и что схемы жизнью не ломаются. Пусть, но схема – это форма без живого содержимого.

<...>

Синод скучный и мне и Антону. Все там от Львова¹¹⁵ в ужасе. Подлизывается к левым, прикидывается, а все его прекрасно видят насквозь. Вася¹¹⁶ ему говорит: вот вы ездите в Москву¹¹⁷, почему во Временном Правительстве Карташева не попросите вместо вас ехать? «Да, это важно, тем более что это даже будет и там многим приятнее: ведь Карташев правее меня». (Он там возится с демокр<атическим> духовенством и думает, что это верх левизны – Аггеевы¹¹⁸). После этого он Ант<она> очень благодарил (вспоминает про Антона, когда ему кто-нибудь напомнит) и Ант<он> вместо него был во Врем<енном> Правит<ельстве>, что-то отстоял и вообще без Львова ему гораздо лучше. Он просто «голова» правосл<авной> церкви и ставит ее на подобающее ей место, чтоб не было смешения, «будто бы» полноты и т. д. А Львов именно без головы и одевает ее в одежду «христианского социализма». Антон там чувствует себя отдохновенно с чистым монахом Сергием Финляндским¹¹⁹, а Львов в этом стиле видит, очевидно, черносотенство и ставит Церковь на аггеевскую позицию. Как странно. Кроме «голова», Антон играет роль и чернорабочего, и это ужасно обидно и возмутительно. А он не умеет от этого освободиться. Может быть, и нельзя, я не увидела, но предполагаю, что, может быть, и можно.

Ася¹²⁰ в Киеве. Пойдет в мобилизацию. Ната говорит, что если она не пойдет в добровольцы, то перестанет себя уважать и откажется от личного существования. Не «подымать дух»¹²¹ она хочет, а быть со всеми в деле, близком к защите России. То, что в ее стиле делать¹²².

12 июля

Твой дневник, Дима¹²³ милый, получила и оценила тогда, все понимаю и утверждаю. Он у меня на даче. Амалия мне кое-что рассказывает, понемножку про дела партийные, про Илюшу. Я не пишу, п<отому> ч<то> не люблю передавать слова других. За что травили, как «правых», Савинк<ова>, Илюшу, Авксентьева (в совете крест<ьянских> депутат<ов>: Авксен<тьев> очень резко председательствовал против «петроградского гарнизона» и

его большевистского влияния)¹²⁴, теперь сами к этому же приходят. Ты писал письмо – еще не знал о нашем позоре и кошмаре на фронтах и о *требовании смерти<ной> казни* в телеграмме Корнилова, Савинкова и Филоненко¹²⁵. Керенский отменил смертн<ую> казнь, он же должен ее утвердить¹²⁶. Неизбежно, а то готовится контрреволюц<ия>, и готовится диктатор черносотен<ец>, так говорится в телеграмме Корнилова, кот<орую> вы наверно читали¹²⁷. И этого Корнилова отправили из «Петрограда» после 21 апреля за то, что он тогда вызвал войска для охраны жителей от Ленинцев¹²⁸. И Чхеидзе писал: «а зачем Корнилов вызвал войска? подумайте-ка, братцы... И... приказ от Совета р<абочих> и с<олдатских> деп<утатов>: никаких начальников не слушать, – только с разрешения советов р<абочих> и с<олдатских> депутат<атов> войскам выходить на улицу!»¹²⁹ Не забуду и запугиванья («Родзянко стреляет!»). Родзянко говорил солдатам: «а спросите-ка Родзянко, братцы, что он думает о земле?» Провокашечка поганая. Противно все вспоминать, больше ничего. Истинный друг народа! Теперь что-то замолк.

Вовек не забуду улицу 21-го апреля, эти *мученья*, пытки от бессилья. Знаешь, что надо сделать, а ни заставить, ни убедить нельзя. «Берегите *власть* от трещин, помогите ей!» – так улица говорила (смысл) Совету р<абочих> и с<олдатских> депутат<атов>.

Как-то душа закаменела. Не то страшно, не то совсем покойно. Не то позор, не то жгучая жалость. У меня Россия связалась с Г<осударственной> Думой, п<отому> ч<то> когда я ходила к Шидловской и утром и вечером, – все на Думу смотрела¹³⁰ и думала о России. До революции, и после, и сейчас. И то мне противно, что Василевские¹³¹ такие не могут такую Думу спасти – Россию, красивую. То стыдно, что я тоже вшивая и ничего сделать не могу, то радостно, – что сделалось, и гордо, то страшно, когда «отрекнемся <так!> от старого мира» – пьяный петрогр<адский> гарнизон, – то горько и обидно и неутолимо раскаянье, – сейчас. А против Думы с революц<ионных> дней все тот же красный плакат с надписью: «да здравствует свобода!»

Сейчас улица моя требует (и я с ней), чтобы сказали все вместе: «Нет» – большевикам, все партии, все советы, все комитеты.

Выплюнули бы их от себя, как вредную гаду. (Костя¹³² уверяет, что это делается, что они ставятся под давление *большинства*, т<ак> что свои идеи не имеют права проповедовать, но я ему не очень верю). И не смотреть-то только носик в носик, партия в партию, и делать свои домашние дела. Надо на улицу посмотреть и уважать. Улицу видят только как контрреволюционную, мудрости ее в трагич<еские> моменты не знают. А улица – это коллектив, это народ, Россия. Тут и прачка, и старик, и прислуга, и солдат, и швейцар и офицер, и интеллигент, и мальчишка, и рабочий, и профессор. Создается общественное мнение, очень тонко передающееся и вовсе не «толпное», не звериное, а разумное. Поразительно мудрую прачку я нашла раз. Часа 2 мы с ней (и еще 2 прислуги были с нами, тоже умные) стояли против Инженерного замка, где женский батальон учится. И говорили. Она, глав<ным> обр<азом>, говорила. Староватая, невзрачная, из какой-то прачечной мастерской. Трезвая, жгучая, и так бы с ней не расстался. И другая – толстая, заикающаяся, говорить не умеет, а мудрость яркая. Все о солдатах, о буржуях, о ленинцах. Еще до шпионства вскрывшегося¹³³ – улица знала, что оно есть. Значит, до чего все советы р<абочих> и с<олдатских> депутат<ов> не живую, выдуманную линию вели, против всего народа, не ослепленного партиями. Еще я с матерями в трамваях ездила. У одной сына убили, у другой – в плену. Обе простые старые бабы. Обе трезвые и о ленинцах шепотом, с опаской, как о городских Ник<олая> II. Еще до всяких историй 4 июля. Еще была потряс<ающая> картина шествия бежавших из плена, в Думу¹³⁴. Я, кажется, не писала тебе, как мать старая-старая говорила. Плакала. Толпе говорила. У нее 3 сына на войне, 2 убиты. Она о пленных мучилась. И рассказывал один старый-старый офицер, как он ходил много раз в совет р<абочих> и с<олдатских> депутат<ов>, о помощи пленным чтоб доложить. И как его заставляли все дожидаться (как в старые времена), пороги обивать надо было. И это дело поставили последним, как неважное. <...> Ты говоришь, что сейчас думает Христос? (ты хорошо это написал, как о живом, здешнем). Христос, я знаю где. Он зовет к единению, к церковности. К *общей* часоунице и *военной* свечке весь народ, как в мобилиз<ацию> и революцию. Все повторяется, как у нас. К сей военной минутке подойти *всем народом*, а не всеми партиями.

Авксентьев тоже хотел револ<юции> *после* победы. Молодец. Оказывается, Масловского уже выперли из «Дела народа»¹³⁵. Я очень рада, пусть выпирают эту гаду отовсюду. Сколько народу перепортили. Нату трезво не хочу пускать на войну. П<отому> ч<то> она такая желтая и страшная, хуже чем зимой. А она рвется. <...>

2

Второе, что улица хочет – это *единения* всех партий в государственную, человеческую, русскую партию, даже не партию, а *власть*. Самую решительную, самую ясную, самую определенную и *не* психологическую. *Приказывай*, а не предлагай, возьми от нас *свободу* и неси ее за нас, дай нам успокоиться, а уж мы тебя поддержим. Довольно воззваний, ничего не понимаем – что за контрреволюция? что это, другое чем большевики? откуда она?

Истомилась улица, опять хвосты. Карточки, а в лавках пусто. Буквально *пусто*. Не знаешь, куда зайти, чтобы яиц достать. «Нигде нет». <...>

Я стояла за газетой в очереди («Вечернее время») и слушала «улицу» свою. «А что, скажешь совет раб<очих> депутат<атов> велел выходить им?» (это уж из мужской кухни) рабочие говорят. «Да, солдаты темная масса», – «да ты сам, наверно, большевик, что защищаешь». И обсуждают бегство наших, лица темные, больно, стыдно видно. И вообще улица вся подавленная. Уж нет наглости и подсолнухов. И разгула. Стыдно. Угрюмо.

Маркович письмо прислал. С фронта румынского. Пишет (еще и о наступлении не знал), что война так всех от старших до младших измучила, что все жаждут мира и на всякий слух накидываются, разукрашают <так!>. Но стоят на твердой точке зренья, нужно наступление и т. д. Отнош<ения> между офиц<ерами> и солдат<ами> отличные. Общее мнение – *навалиться бы всем народом* – и война к осени бы была кончена. Война *должна быть* кончена к осени, зиму не продержаться, говорит – иначе будет такой публичный дом, какого Россия от роду не видела. Все это вместе, с нашим бегством вместо того, чтобы навалиться *всем народом*, это противоречие – трагическое до слез. До кровавого пота надо было бы сейчас всем народом молиться у военной свечки. <...>

<приписка по правому полю листа:> А все-таки, я верю в чудо. Давайте вместе верить и жечь военную свечку.

<на отдельном листе:>

Вот для пародии Зининой материал.

Антон – контрреволюционер. Несет плакат с надписью: долой министров-социалистов, вся власть временному комитету Госуд<арственной> Думы. Ведет пропаганду погромную.

Ната поет «Боже царя храни». Одета в костюм казака Крючкова¹³⁶, в штанах. Лампасы и хохол из-под фуражки.

Я – разорвала с Антоном из-за его контрреволюционности, с Натой из-за казачества, с Амалией из-за кадетов, с Степановыми из-за социалистов, с Флёровой¹³⁷ из-за ее большевизма. С полными руками непреображенных символов, не имея пристанища, где на ночь приклонить голову – ночую на площадке детского сада Юлии Ивановны (от которой все еще жду чуда, по системе Монтессори).

PS. Конечно, это несколько преувеличено¹³⁸.

16 июля

Петроградские лавки медленно, но верно опустошаются. Рады, что есть еще консервы. Без изворотливости не достать молока, яиц, масла. С 15 августа начнется Собор¹³⁹ и Антону предстоит или переселиться в Москву или ездить часто туда. Патрон¹⁴⁰ невыносим для всех, с кем сталкивается. Ант<он> похудел, но не болен. Успокоение, но не устроенье. <...> Димину статью о русском офицере читала сегодня в «Речи»¹⁴¹. Как раз вовремя пришла, п.ч. на офицеров только обвиненья, а вместе с тем они как сознательные люди на фронте мучаются. До кровавого пота (судя по некоторым в толпе, по лицам и словам, и по армии чести). Я с удовлетворением прочла. Амалия здорова. Устала, п<отому> ч<то> В.Н. Фигнер¹⁴² все у нее и требует вниманья и ухода. Илюша в Гельсингфорсе с Соколовым¹⁴³. Прислал телегр<амму>, что все благополучно¹⁴⁴.

28 июля <?>

Ты, наверное, в негодовании, что Антон в кадеты поступил. Это сознательно, на сегодняшний день. Кадеты сейчас единст-

венные государственники, граница для Иванова¹⁴⁵. На эту минуту, для России Антон кадет. Я вообще, по себе, невоплотимая, поэтому уважаю людей, способных воплощаться. Сейчас для госуд<арственной> работы надо воплотиться. И Антон принял, совершенно сознательно, ощущая всю тесноту кадетскую и близорукость, – принес эту жертву России. Он очень много рассказывал интересного за эти дни. Перелом – к национализму, остановка революц<ии> и увяданье духа в советах (со слов Книжника, члена Сов<ета> Р<абочих> депут<атов>¹⁴⁶), которым дышали большевиками. С-дэки слиняли без большевиков, а с-ры, соединяясь с кадетами, окрасились в национальн<ые> цвета. В этом спасение России.

28 августа

<На бланках «Оберпрокурора Священного Синода»>

28 авг. 3 ч. ночи. В постели.

Вот что происходит: Корнилов поднял восстание, как предсказ<ывал> Сав<инков>. За его спиной Лукомский «злой гений» (сухомлиновец)¹⁴⁷. Ставка, Командный состав, Кавалерия, Конногвардейцы (кажется) <,> Керенский на левой стороне, которая одно время вся (с большевиками) думала стать единой против контрреволюции. Но у них какой-то раскол произошел (мне Мейер говорил по телефону) и их ослабил. М<ейер> говорил, что советы авторитет<ом> не пользуются, а силу взяли большевистск<ие> организации. След<овательно>: справа темный честный Корнилов, которым воспользовалась черная сотня, а слева – советы с большевиками – «правительственные войска». Казаки – «за спасенье от гражд<анской> войны» – неопределенно. Говорили с Керенск<им> и поехали к Корнилову за сведениями. Войска Корнилова так: заняли по Ц. С. дороге станцию «Семрино» (или подобное название)¹⁴⁸ в 10 верстах от Царского Села, за Вырицей, на этой станции сближаются 3 дороги: Варшав<ская>, Никол<аевская>, Царскосельская. Гатчина – ближайшее место от этого Семрина. Следовательно, выходит, что

уже *сейчас* вы отрезаны от Петрограда. И мы от вас. (Но не бойтесь – во всяком случае, Корнилова войск меньше можно бояться, чем «правительств<венных>» с большевиками). Перерезав дороги, Корнилов хочет устроить осаду Петрограда, чтоб он сдался без крови. Город спокоен. Никаких митингов уличных и выступлений. Полное спокойствие.

Все министры подали в отставку. И Чернов¹⁴⁹. Керенский – жалок. Ан<тон> говорит, что у него впечатл<ение>, что он пушит пулю в лоб. Некрасов¹⁵⁰ лежит на диване в полном пессимизме. Есть выход: Алексеев и Милюков были у Керенского¹⁵¹. Милюков предлагает быть посредником, замараться о контрреволюцию, т. е. попытаться спасти Россию от гражд<анской> войны, начав с Корнил<овым> переговоры. Теперь все зависит от Керенского, согласится ли он уйти, предоставив все Алексееву. Все кадеты-министры единогласно советовали (и Терещенко¹⁵²) Керенскому уйти: правительство, объявив Корнилова мятежником (воззвание Керенского), не может вести переговоры. А м<ожет> б<ыть>, в этом единств<енное> средство удержать кровь. Послы союзных держав моментально, когда начнется гражд<анская> война, – уезжают из Петрограда. Савинков командует здесь в штабе правит<ельственными> войсками против Корнилова¹⁵³. Помнишь, он говорил? Кто кого (если не вместе)? Говорит, что защищает свободу. И это страшно. Потому что все-таки с либерданами¹⁵⁴ и все-таки с большевиками. Антон «преображает», старает<ся>, кадет в революционер, но, кажется, они не преобразуются. Ант<он> действует в смысле решительного посредничества между Петрогр<адом> и Корниловым, чтоб спасти остатки революции, ибо, если победит Савинков, – затопчут большевики и придет подлинная контрревол<юция> Пуришкевича. А Корнилов не царист – у него Россия перее царя. И еще надежда есть на Алексеева и переговоры¹⁵⁵.

Хотя М<илюков> склоняется защищать «правительство» против контрреволюции...

Теперь мне приехать будет нельзя, п<отому> ч<то> то, зачем я поехала в П<етер>б<ург>, будет именно сегодня. На Сиверской сейчас, пожалуй, даже спокойнее, чем здесь.

29 августа

<На бланке РФО>

Утро 8 ½ ч. 29-го вторник.

Ибо, как говорится, план Корн<илова> избежать крови, но окружив П<етер>б<ург>, поморив его голодом для сдачи правит<ельства>.

В своих 2-х манифестах (безграмотн<ых>, по словам Анто-на) сказано Корниловым, что Правительство сейчас в руках большевиков, которые являются выразителями желаний Вильгельма. Что он – казак и крестьянин и желает свободы России¹⁵⁶. Но, конечно, он не знает, кто им может руководить за спиной. Ант<он> говорит, что идет тьма слева. Победит тьма слева – мы будем во власти победителей – большевиков. Будет справа – черносотенцев. Хотя если справа, то не с Николаем, п<отому> ч<то> Николай сгнил и был свергнут *праведно*, органически, революцией, а с кем – еще неизвестно. Вся сейчас надежда на Алексеева и, может быть, на энергию кадет. Он, говорят, прекрасный *человек*.

Вечером поздно были слухи, что Царское в Корниловск<их> руках и что корниловцы потрепали правительственные войска.

Мне ехать не советуют, потому что сейчас надо *выжидать*, чтоб не попасть куда-нибудь. Сегодня – решающий день. Антон в 12 ч. едет в Ц.К. Он уже себя министром больше не считает. И говорит, что кадеты мучились недели уже 2, хотели, но не считали возможным подать в отставку. Их Керенский в этой Корниловской истории игнорировал совершенно не по-товарищески. Всю свою линию провел без них, и они не могут *отвечать* за то, что происходит сейчас. Некрас<ов>, Терещ<енко>, Кер<енский> и Гальперн¹⁵⁷ – вот их правит<ельство> последних дней. Антона и др<угих> кадетов положение было *унизительно-комическое*. [Сейчас у Керенского и Гоц¹⁵⁸ и Церетели.] Часто в газетах бывало раньше, чем они узнавали, что делается.

Когда все министры-кадеты, не сговариваясь, сказали Кер<енскому>, что он должен уйти – он ничего не сказал. И ушел. Как царь. И вообще страшно повторенье. И Зимний дворец. [В га-

зете] Ан<тон> говорил, что было мистически страшно, как на глазах правит<ельство> *таяло* и распадалось. Так что пока там надо остаться. Сухари есть еще у нас на столе и в верхнем левом комод. Он не заперт. Консервы в корзине, что в кладовой, запасные, на дне. Об одном я только очень прошу, и предрекаю и заклинаю, – не тушите свечку. Мне почему-то кажется, что тушить ее *грех*. Если потухла – зажгите. Топите комнату и хоть одну, чтоб зажгли. На Диму надеюсь.

Маркович ранен в ногу. В Одессе в лазарете. Задето сухожилие. Пуля не вынута. Потерял много крови, везли 10 верст, не могли кровь унять. Поэтому операция – извлечение пули – отложено. Нат<алья> Ив<ановна> под Одессой. Поручаю их Андрею¹⁵⁹, когда он поедет. Андрей застрял, п<отому> ч<то> сведения получены о том, что Ливеровский приказал разобрать рельсы¹⁶⁰.

А я думаю, что Савинков мог бы еще и сейчас спасти все, не допуская крови. Взяв из черносотенных рук власть. Жгите, умоляю, не тушите.

Татьяна

Сейчас звонил Костя, глаза на лоб, в панике. Привез семью в город. Боится дикой дивизии¹⁶¹, кот<орая> должна вечером пройти. Поезда ходят без расписанья. Костя через час обещал позвонить. Не знаю, как с вами быть. Но...

пришла нянечка. Народ (бабы и пр.) за Корнилова. Муж<ской> гарнизон сдался. И Костиной паники не боюсь как-то. Или *весь* Корнилов с *дисциплиной* – враг. Враг семечек, враг «револ<юционн>ой демократии». Лиза¹⁶² говорит, что могут быть *грабежи* в *междущарстии* около Петрограда. Но ведь и *здесь* тоже? Не знаю, что вам совет<овать>. Ант<он> спокоен, думает, лучше вам ждать. У Степанова¹⁶³ тоже нет паники, чтоб вам уезжать. Дима, подумай, как быть: вечером, если вам сегодня ехать, то попадете в войска Корнилова. Хорошо сегодня ехать, но приехал Вася.

Тата

Пришли газеты¹⁶⁴.

31 августа

Я еще чувствую трудность оттуда отрываться из-за Антона: он сейчас так «радикально» настроен, что его могут арестовать, как изъяли переводчицу из «Речи»¹⁶⁵. Еще бы: во временном правительстве, говоря речь о том, что Кер<енском>у надо передать власть Алексею для реорганизации кабинета, он кончил словом «развратная сволочь» по адресу Петроградского гарнизона и пр. Это когда Керенский был в слабости и был еще выход, а *сейчас* Некрасов уже от него отворачивается и сердится на него. Антон же решил, что он будет *бороться*, берет это право (говорил кадетам). Если войдет в Министерство. Но я думаю, что он *неудобен*. К счастью. А то страшно. Кажется, я вчера об этом не сказала? Говорю, чтоб поняли, почему мне трудно ехать сюда, помимо моего вечного желанья и устремленья быть среди жизни. Т.

Целую. Х<ристос> с вами.

<на обороте:> Всем, всем, всем¹⁶⁶.

¹ Речь идет о митинге «ленинцев» перед особняком балерины Матильды Феликсовны Кшесинской (1872–1971); здание расположено на углу Троицкой площади, от которого расходятся Большая Дворянская улица и дуга Кронверкского проспекта (построено в 1904–1906 гг., архитектор А.И. фон Гоген). После разгрома и разграбления особняка 28 февраля 1917 г. его заняли солдаты мастерских запасного бронированного автомобильного дивизиона; в марте–июле 1917 г. здесь располагался Центральный комитет большевиков, а также Военная организация РСДРП; особняк стал штабом большевиков, а «балкон» – трибуной большевистских ораторов; сюда после возвращения из эмиграции в ночь с 3 на 4 апреля 1917 г. прибыл В. Ленин, с 4 апреля по 4 июля он почти ежедневно бывал в «штабе» и регулярно выступал с балкона перед собранием рабочих, солдат и матросов. Особняк постоянно находился в поле зрения газетчиков, см., например, репортаж обозревателя «Биржевых ведомостей» о митинге, на котором, вероятно, присутствовала Т. Гиппиус (описание митинга в данной записи отсутствует): «Палаццо бывшей романовской фаворитки занято теперь социал-демократическим комитетом. А павильон, прев-

ращенный в ораторскую трибуну, занят ленинцами и правдистами. Все партии устраивают митинги в закрытых помещениях. Ленинцам и правдистам как-то первым пришлось в голову вынести митинги под открытое небо, прямо на улицы и на площади. Вчера с утра и до позднего вечера перед особняком Кшесинской сменялись народные толпы. Выступали кое-кто из только что вернувшихся эмигрантов, один из которых в сильных чертах нарисовал картину возмутительного ареста Троцкого в Канаде. Эти эмигранты, вернувшиеся не через Германию, а “дорогой смерти”, вызвали большое сочувствие аудитории. Выступал несколько раз и сам Ленин. Он так сильно жестикулировал, что моментами являлось опасение, как бы он не свалился за невысокую решетку. Ленин, как водится, бранил буржуазию, выбранил Родзянко, и заявил, что не будет возражать тем “мерзавцам”, которые говорят, что ленинцы подкуплены германцами. А возгласы в этом смысле, действительно, раздавались в толпе. Из толпы подавали записки, были желающие говорить. Но с трибуны заявили, что это “наша трибуна”. И после долгих пререканий согласились дать голос только одному противнику, офицеру, только что приехавшему с фронта и возвращавшемуся туда обратно. Офицер этот заявил, что он крестьянин, произведен в прапорщики царским правительством, которому он понадобился в качестве пушечного мяса, что на фронте нужны люди, что ряды там теперь пополняются больными, харкающими кровью, что туда присылают даже солдат с отстреленными пальцами, и что поэтому не надо противиться распоряжению военного министра об отправке части Петроградского гарнизона на фронт. Ленинцы затем старались рассеять впечатление, произведенное этим оратором. Рекомендовали не поддаваться этим “плаксивым” и “слезливым” ламентациям. <...> Сочувственно принимались их выпады против буржуазии. Но отношение к войне и призывы к немедленному миру вызывали негодующие протесты отдельных лиц. Ленинцы, бывшие в толпе, всеми силами старались эти протесты заглушить, призывали даже на помощь милиционеров, и какую-то женщину чуть было не отправили в комиссариат» (Лукиан [Любошиц С.Б.] Заметки // Биржевые ведомости. 1917. 11 апр. № 16176. Утр. вып. С. 2). Далее отсылка на газету «Биржевые ведомости» приводится сокращенно: БВ.

² Ратьков-Рожнов Владимир Николаевич (1891–1918) – племянник Д.В. Философова, сын Зинаиды Владимировны (урожд. Философовой) и Николая Александровича Ратьковых-Рожновых; офицер Добровольческой армии (убит под Ростовом в бою с красноармейцами). В «Синей книге» в записи от 2 августа 1914 г. З. Гиппиус отметила: «Володя-студент перешагнул через горе матери: “Да, это эгоизм, но я все равно пойду,

не могу не идти”, – и уехал вчера с преображенцами»; в записи от 22 октября 1916 г.: «Был у нас Вол. Ратьков. (Он с первого дня на войне. Грудь в крестах. А сам, по-моему, сумасшедший. Все они полусумасшедшие “оттуда”. Все до слез доводящие одним видом своим» (Гиппиус З. Дневники: В 2 т. М.: НПК «Интелвак», 1999. Т. 1. С. 386, 428.).

³ Илья Исидорович Фондаминский, см. вступ. статью. Газета «Речь» сообщала о торжественной встрече прибывших 8 апреля на Финляндский вокзал политэмигрантов: Н. Авксентьева, Б. Савинкова, И. Фондаминского-Бунакова, В. Чернова, Л. Дейча, Б. Моисеенко и др.: «Встречать прибывших эмигрантов собрались свыше 10 тысяч граждан и части разных войсковых частей петроградского гарнизона и флотских экипажей с оркестром и музыкой. Когда эмигранты вышли из вагона, многотысячная толпа огласила воздух криками “ура” и военные оркестры заиграли Марсельезу» (Приезд политических эмигрантов // Речь. 1917. 9 апр. № 82. С. 5). Т. Гиппиус, по-видимому, встречала Фондаминских, поскольку должна была их проводить на квартиру Мережковских.

⁴ Перифраза основного тезиса статьи Н.А. Бердяева «О частном и историческом взгляде на жизнь» (опубл.: БВ. 1916. 6 сент. № 15785. Утр. вып. С. 2; в сб. Бердяева «Судьба России: Опыт по психологии войны и национальности». М., 1918). Ср.: «Отношение к войне очень разделяет людей на два типа, которым трудно сговориться. Одни смотрят на войну, как и на все на свете, с частной точки зрения, с точки зрения личной или семейной жизни, блага и счастья людей или их страданий и несчастья. Другие смотрят на войну с сверхличной, исторической, мировой точки зрения, с точки зрения ценности национальности, государственности, исторических задач, исторической судьбы народов и всего человечества. <...> Лишь такой углубленный взгляд делает меня свободным, гражданином моего отечества и гражданином вселенной. “Частный” же взгляд на жизнь, для которого все историческое, мировое сверхличное – чуждое и инородное, делает рабом, способным лишь на рабий бунт» (цит. по БВ).

⁵ Зинаиде Гиппиус: ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 60. Л. 4. Далее отсылки даны сокращенно, без указания места хранения и фонда.

⁶ Мережковские уехали в Кисловодск в субботу 8 апреля 1917 г.

⁷ В 1917 г. здание Калашниковской хлебной биржи использовали для проведения митингов различных партий (построено в 1906 г. по заказу купца Е.С. Калашникова для зерновой биржи; архитектор Н.А. Дрягин). 9 апреля московский районный комитет Партии народной свободы организовал здесь первое публичное собрание, привлечшее в зал Калашниковской биржи многочисленную публику. Выступавшие ораторы – лидеры кадетской партии М.М. Винавер, Н.В. Некрасов, М.С. Аджемов призы-

вали к сохранению единства в рядах демократии, осуждали деятельность «ленинцев», сеющих рознь и провоцирующих гражданскую войну; отчет о собрании см.: Речь. 1917. 11 апр. № 83. С. 5. Здесь же 10 апреля состоялся митинг под председательством М.В. Родзянко, тема: «Об организации Англии во время войны»; выступали: Д. Бьюкенен (посол Великобритании), Блэр (полковник английской армии), Н.В. Некрасов (министр путей сообщения), П.Н. Милюков (министр иностранных дел) и др.

⁸ В апреле 1917 г. в Петроград прибыли делегации социалистических партий союзнических стран; 9 апреля французские и английские депутаты-социалисты посетили Марсово поле. Газета «Единство» сообщала: «9-го апреля в три часа дня, французские и английские депутаты-социалисты отправились к братской могиле героев революции и возложили художественный серебряный венок на “Холм Свободы”. Собралась многочисленная толпа солдат, моряков и рабочих. У могилы был выставлен почетный караул при оркестре музыки. В воздухе реяли траурные и красные флаги с надписью “слава героям”, “да живет память народная в борцах за свободу”. К братской могиле подошла манифестация съезда учителей, несшая знамена с надписью: “Дайте народу свет”. К могиле прибыл Г.В. Плеханов, обратившийся к гражданам с речью. Один из учителей, обратившись к народу, сказал: – Клянётесь ли вы отстоять эту землю? Толпа ответила: – Клянёмся! Многие бросились на землю и целовали ее. Хор с пением похоронного марша обошел могилы павших» ([Б. н.] Союзные социалисты у братской могилы // Единство. 1917. 9 апреля. № 9. С. 3).

⁹ Дарья Павловна Соколова – няня сестер Гиппиус, жила вместе с Мережковскими на Сергиевской, 83, после их отъезда в эмиграцию (бежали из Петрограда в декабре 1919 г.) – в их квартире вместе с Т.Н. и Н.Н. Гиппиус.

¹⁰ В этот же день газета «Биржевые ведомости» (1917. 15 апр. № 16184. Утр. вып. С. 4) напечатала заметку «Марсово Поле», в которой сообщалось: «Печальный вид имеет место успокоения жертв великой Русской Революции. Могилы все еще не приведены в порядок, местами еще не засыпанные, огорожены грязными досками, служащими почему-то для прохода публики. Кругом и около намусорено, грязно. Бросают окурки, грызут и бросают семечки, точно это не святое место, а базарная площадь. Были железные колонки, по которым проходила цепь. Где остатки великого народного шествия 23-го марта? Почему из многочисленных флагов, венков, цветов здесь не оставлена хотя бы маленькая часть, которая свидетельствовала бы многочисленным паломникам о великом и печальном дне похорон?»

¹¹ Лев Толстой завещал похоронить себя в овраге, где была закопана легендарная «зеленая палочка» (в детстве старший брат Николай, играя с детьми, вырезал на зеленой палочке секрет всеобщего счастья и закопал ее на краю оврага неподалеку от яснополянского дома). «Зеленая палочка» – статья Л. Толстого (1905) – содержит популярное изложение основ христианства (первонач. название «Вера»), впервые опубликована в 1911 г. в газете «Русское слово» (2 янв. № 1) и издательством «Посредник» (№ 915). «Воспоминания детства», вероятно, были известны Т. Гиппиус по изд.: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. / Под ред. П.И. Бирюкова. М., 1912. Т. 1 (см. с. 358–360); см. комментарий Н.К. Гудзия в: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. / Под общ. ред. В.Г. Черткова. М.; Л. 1936. Т.36. С. 737–741.

¹² То есть 1-го мая по новому стилю.

¹³ В гимназии Марии Александровны Шидловской и ее дочери Юлии Ивановны (Шпалерная, 7, недалеко от Таврического дворца), где преподавала Т.Н. Гиппиус, воспитывались дети А.Ф. Керенского (сыновья Олег и Глеб), Л.Б. Каменева, Л.Д. Троцкого и Ю.М. Стеклова и, вероятно, других политических деятелей. В письмах к близким 1917 г. Т. Гиппиус сообщала: «Керенскую (Ольгу Львовну, жену Керенского. – М.П.) видела на родительском собрании. Говорит, что доктора находят, что ему очень удачно сделали операцию и посылают на отдых, неизвестно куда поедут – это для здоровья его все равно. Или в Финляндию, а может быть в Малороссию» (13 марта, Философову: ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 176. Л.11); «У Шидловской учится сын Нахамкиса в детском саду под фамилией Стеклова. Сейчас буду с ним по телефону говорить – требовать плату за ученье – не дают, да и все! Очень типично» (4 мая, Мережковским и Философову: Там же. Ед. хр. 216. Л. 29).

¹⁴ Вероятно, отклик на постановление Временного правительства о похоронах жертв революции, которое предполагалось совершить по гражданскому обряду. Эту идею поддержали многие представители интеллигенции. Например, Ф. Сологуб в статье «Святая могила» писал: «Благодатный характер нашего переворота отразился и на этой прекрасной мысли и в то же время воистину благочестивой. И то обстоятельство, что похороны последних жертв захлебнувшегося в крови безумного царствования предполагаются гражданскими, т. е. без участия духовенства, насколько не отнимает у этой прекрасной могилы ее благочестивой осиянности. Конечно, похороны должны быть гражданскими, так как хоронить придется людей разных исповеданий, людей верующих, и вместе с ними равнодушных к вопросам религии. <...> И хорошо, что их похоронят всех вместе, – погибших в братском подвиге восстания положат в одной братской могиле» (БВ. 1917. 11 марта. № 16130. Утр. вып. С. 3). Ср. также

заметку в «Биржевых ведомостях» под заголовком «Слово духовенству»: «Проф. Б. Титлимов в “Дне” обращается с укоризной к пастырям, пожелавшим участвовать в похоронах жертв революции. Он напоминает им время, когда тысячи русских людей умирали на виселицах и под пулями усмирителей: Почему вы молчали, представители церкви Божией, высшей носительницы правды на земле?» (БВ. 1917. 12 марта. № 16132. Утр. вып. С. 7). Постановление Временного правительства (о погребении без отпевания) вызвало возмущение со стороны верующих, см.: *Философов Д.В.* Дневник // Звезда. 1993. № 2. С. 198.

¹⁵ Слова ежедневной молитвы православного богослужения об упокоении душ всех положивших свою жизнь на поле брани.

¹⁶ Маршевые роты для пополнения армии формировались постоянно с самого начала войны – из запасных батальонов находившихся на фронте полков, новобранцев и т. н. эвакуированных солдат (выписанных из госпиталей после ранений). В ходе революции между Временным правительством и Советами было принято решение о невыводе частей революционного гарнизона из Петрограда. Однако в условиях двоевластия оно могло интерпретироваться по-разному, вопрос об отправке маршевых рот стал важным политическим вопросом (см.: *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л.: Наука, 1985). 9 апреля газета «Единство» сообщила, что «маршевые роты будут отправлены в течение ближайших дней» (1917. № 9. С. 3). 10 апреля в Таврическом дворце состоялось частное совещание солдатской секции Совета солдатских и рабочих депутатов, принявшее резолюцию о посылке маршевых рот (Речь. 1917. 11 апр. № 83. С. 4). 13 апреля «Речь» поместила заметку об отправке на фронт первого пополнения: «10 апреля в 3 часа дня, с Варшавского вокзала отправляется в действующую армию первый эшелон революционных маршевых рот запасного батальона гвардии Петроградского полка (одновременно ушел эшелон революционных измайловцев)», роты провозжала «громкая толпа народа, с оркестром и плакатом: “Идем на войну для свободы”» (1917. 13 апр. № 85. С. 4); 15 апреля «Речь» писала: «Ввиду появившихся в некоторых газетах нападок по поводу отправки на фронт маршевых рот, нам сообщают, что все маршевые роты отправляются на фронт по соглашению между Временным Правительством и Исполнительным Комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов» (Речь. 1917. 15 апр. № 87. С. 5). 16 апреля 1917 г. состоялось заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, открывшееся докладом Н.Д. Соколова об отправке маршевых рот, от имени Исполнительного комитета была принята резолюция: «Имея в виду, с одной стороны, обязательство о невыводе Петроградского гарнизона, принятое 2-го марта Временным

Правительством, и с другой, учитывая военно-техническую необходимость пополнения воинских частей, находящихся на фронте, <...> Совет Рабочих и Солдатских Депутатов признает необходимость отправлять на фронт маршевые роты по мере установления надобности» (Единство. 1917. 17 апр. № 16. С. 3).

¹⁷ Митинг инвалидов освещался в прессе, наиболее подробный отчет поместила газета «Речь»: «В 11-м часу утра 16 апреля на Казанской площади собралась огромная толпа инвалидов и направилась к Таврическому дворцу. В манифестации приняли участие почти все инвалиды, находящиеся на излечении в петроградских лазаретах, и много уже выписавшихся из лазаретов инвалидов. Те из инвалидов, которые не могут самостоятельно передвигаться, прибыли в грузовых автомобилях, на линиях бывшей придворной Конюшенной части, в экипажах, на извозчиках и на обыкновенных автомобилях. Часть манифестантов прошла в Таврический дворец, часть устроила митинг перед зданием Таврического дворца. На знаменах манифестантов-инвалидов были надписи: “Отдадим последние силы для торжества свободы”, “Ленина и компанию обратно в Германию”, “Здоровые, заменяйте больных в окопах”, “Пересмотрите законы о пенсиях”, “Война до победного конца, до полного уничтожения германского милитаризма”, “Наши раны требуют победы”, “Отечество в опасности”, “Пролитая нами кровь требует войны до победы”. Особенно много плакатов с надписями, направленными против ленинцев» и т. д. Перед инвалидами выступали: М.И. Скобелев (товарищ председателя Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов), заявивший, что, не будучи сторонником тактики Ленина, он признает за ним право на свободную агитацию (его речь была прервана криками протеста); К.А. Гвоздев – с призывом прекратить войну “путем соглашения с германским пролетариатом”. В здании Таврического дворца также происходил бурный митинг, после примирительной речи Церетели (“с идеями Ленина надо бороться не насилем, а доводами”) выступил М.В. Родзянко, который принес благодарность защитникам родины за их жертвы и заявил, что “Война должна быть доведена до конца!”, слова Родзянко были покрыты продолжительными и бурными криками “ура”. Инвалиды приняли резолюцию, в которой было выражено доверие Временному Правительству и резкий протест против агитации Ленина, “сеющей рознь в рядах революционной армии”» (Манифестация инвалидов // Речь. 1917. 17 апр. № 89. С. 5).

¹⁸ Газеты, которые регулярно читала Т. Гиппиус («Речь», «Единство», «Биржевые ведомости», «День», «Вечернее время»), ежедневно печатали разного рода антиленинские материалы (статьи, письма в редакцию

и т. п.). Например, 15 апреля в газете «Единство» (1917. № 15. С. 3), под общим заголовком «К деятельности Ленина», были помещены заметки: 1) «Исполнит. комиссия Сов. Солд. Депутатов о деятельности Ленина», содержащая призыв оказать сопротивление ленинской пропаганде, «которая есть контрреволюционная по своей сути»; 2) «Заявление солдат Прожекторной роты», с требованием выдворить Ленина за пределы столицы («заявляем свое глубокое сожаление, что в Петроград прибыл человек, присутствие которого в настоящий момент нежелательно, в виду его дезорганизаторской работы, вредящей закреплению свободы»); 3) «Ленинизм», где опубликована резолюция, принятая на объединенном всех политических фракций собрании офицеров и солдат Петроградского интендантского вещевого склада, состоявшемся 14 апреля; в резолюции говорилось об антивоенной пропаганде и контрреволюционной деятельности Ленина, в частности: «Эта коренная ломка отразится на благополучном окончании настоящего революционного движения, служа лишь в пользу полной анархии, угрожает нашей молодой свободе новым порабощением германскому милитаризму и явится полной разрухой экономической жизни страны», в заключение был выдвинут лозунг «Долой Ленинизм»; 4) «Самосуд», в которой сообщалось, что у особняка Кшесинской был арестован солдат за то, что доказывал собравшимся, что Ленин приехал через Германию.

В газете «Речь» 18 апреля (1917. № 90. С. 4) была опубликована заметка «Иск о выселении Ленина и др. из особняка Кшесинской», в которой сообщалось, что по доверенности М.Ф. Кшесинской присяжный поверенный В.С. Хесин обратился к мировому судье с прошением выселить из ее дома и очистить его от имущества ответчиков, которыми являются Петроградский комитет социал-демократической партии, ЦК той же партии, Центральное бюро профессиональных союзов, Петроградский районный комитет партии социалистов-революционеров, клуб военных организаций, кандидат прав В.И. Ульянов, под литературным псевдонимом Ленин, и др.

Газета «Биржевые ведомости» 18 апреля сообщала о выступлении Ленина в Совете солдатских депутатов, состоявшемся 17 апреля «с целью дать объяснения по целому ряду принципиальных вопросов». «Выступление Ленина произвело своего рода сенсацию», его речь сопровождали выкриками: «Поезжайте-ка в свою Германию проповедовать свои идеи!», «Довольно! Довольно!» и «Не желаем! Не желаем!» (Выступление Ленина // *БВ*. 1917. 18 апр. № 16190. Утр. вып. С. 4).

Газета «Вечернее время» 19 апреля поместила у себя статью Ал. Ксюнина «Страшный Ленин», в которой высмеивалось то же выступление

Ленина в Таврическом дворце: «Где же Ленин?.. Неужели этот маленький плешивый? <...> Сам Ленин вовсе нестрашный. Он, оказывается, пришел, “чтобы протестовать” против резолюции Исполнительной комиссии о том, что его ленинская пропаганда так же вредна, как и контрреволюция справа. <...> Ленин говорил без особенного задора, часто останавливается и снова повторяет свою мысль. Говорит бледно и для серьезной аудитории совершенно неубедительно. <...> После Ленина Либер показался мне первоклассным оратором. Ленин это демагог, и то бездоказательный и притом трусливый» (Вечернее время. 1917. 19 апр. (2 мая). № 1799. С. 2).

¹⁹ Виктор Александрович Данилов (1850–1916) – участник революционного движения 1870-х гг., по своим убеждениям примыкал к сектантству, вел пропаганду среди молокан; не раз привлекался к суду, проходил по процессу 193-х (1874); после последнего ареста в 1881 г. был приговорен к 4 годам каторги с последующим поселением в Сибирь; по возвращении из ссылки стал выступать как религиозный проповедник, принимал участие в деятельности различных христианских сект; публицист, сотрудник молоканского журнала «Духовный христианин». В 1914–1915 гг. участвовал в заседаниях Петроградского религиозно-философского общества, в прениях по докладам на темы, связанные с Первой мировой войной (национализм, патриотизм, всеобщее разоружение и пр.), см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: В 3 т. // Вступ. ст. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева; Сост. и подгот. текста О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян; Примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, С.А. Мартынова, О.В. Самоцветова, Л.В. Хачатурян. М.: Русский путь, 2009. Т. 2. С. 498; Т. 3: 1914–1917. С. 92–95; 113, 132, 206, 541, 559–562, 570.

Попытки Данилова установить более тесные контакты с Мережковскими ни к чему не привели, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы: письмо Философова Данилову от 17 апреля 1909 г. (ОР РНБ. Ф. 238. Ед. хр. 300), письмо Данилова Мережковскому от 8 февраля 1915 г., а также обращенная к Мережковским и Философому статья «Из дневника обитателя Земного шара, человека религии-знания» (15 февр. 1915). Статья содержала выпад против деятельности масонов, осуждение германского милитаризма и пропаганду идеи всеобщего разоружения (Там же. Ед. хр. 96, 97), в поздней редакции под заглавием «С кем ведем мы войну и как ее окончить?» опубликована: Духовный христианин. 1916. № 1/2. С. 7–16. *Обитатель Земного Шара* – так себя называл Данилов, в некрологе его памяти Тан (Богораз), знавший его в годы сибирской каторги, вспоминал: «...и паспорта у него не было. Отбыв свою каторгу

и ссылку, он отказался возвратиться в “первобытное состояние” и приписаться в сибирские крестьяне. После долгих мытарств ему выдали такую бумагу: “Предъявитель сего, именующий себя Обитатель Земного Шара, Виктор Александрович Данилов есть именно то лицо, за которое себя выдает. В чем удостоверяю подписью и приложением казенной печати» (БВ. 1916. 25 янв. № 15344. Утр. вып. С. 2). *Мешок Данилова* – одна из ярких примет внешнего облика мыслителя: «И вот он выходит на Невский в своем оригинальном наряде. Широкое пальто из крестьянского сукна. На ногах башмаки и голенища от валенок: в виде гетр. Рубаха на груди растегнута. На поясе мешки, на груди другие. В этих мешках он носил бумагу и чернила, начатую рукопись, завтрак, покупки из лавки» (Там же).

²⁰ * *спасенье России* <Примеч. автора.>

²¹ Николай Дмитриевич Соколов (1870–1928) – известный адвокат и общественный деятель, З. Гиппиус называла его «грешником» из-за близости к большевикам в первые месяцы после Февральской революции; один из авторов и редакторов «Приказа № 1», положившего начало развалу царской армии.

²² Петр Бернгардович Струве (1870–1944) после Февральской революции последовательно проводил антисоциалистическую и оборонческую линию на страницах издававшихся им журналов «Русская мысль» и «Русская свобода» (начал выходить в апреле 1917 г., с участием Н.А. Бердяева, А.С. Изгоева, В.В. Шульгина); см., например, его «программные» статьи: «Освобожденная Россия» (Русская мысль. 1917. Кн. 2), «Иллюзии социалистов» (Русская свобода. 1917. № 7) и др. В апреле–мае 1917 г. – директор Экономического департамента МИД, в мае был избран в академики Российской академии наук.

²³ Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920) – монархист, один из лидеров черносотенного Союза русского народа и создатель Союза Михаила Архангела; думский деятель (депутат II, III и IV Государственной думы от правого блока); после Февральской революции вел активную работу по созданию подпольных вооруженных организаций монархического толка. Возможно, Т. Гиппиус имеет в виду высказывания Пуришкевича по поводу вероятности заключения сепаратного мира – по приезде в Петроград с фронта Пуришкевич комментировал для печати текущие события: «... хотя между союзниками существует соглашение о не заключении сепаратного мира, но в отношении России сделана оговорка, что соглашение это недействительно в случае внутренних беспорядков» (Утро России. 1917. 3 марта. № 60. С. 4). 17 апреля в газете «Биржевые ведомости» была напечатана заметка «Инцидент с В.М. Пуришкевичем», в которой сообщалось, что во время стоянки поезда на станции Луга тот

выбросил пачку монархической литературы с его личным штемпелем на обложках, пачка хранилась в его депутатском вагоне. Стрелочники подняли эти экземпляры и сообщили о находке местному комиссару. «Немедленно милиция и пролетарский надзор направились к вагону, занимаемому Пуришкевичем, произвели там тщательный обыск и нашли около 700 экземпляров монархической литературы. Пуришкевич был задержан. На допросе он заявил, что все происшедшее является плодом недоразумения. Действительно, в вагоне у него хранилось 700 экземпляров литературы, которую депутат приобрел еще за несколько месяцев до революции, чтобы распространять на фронте. После революции депутат поручил истопнику остатки этой литературы сжечь, но последний, очевидно, по ошибке выбросил несколько экземпляров на путь. В.М. Пуришкевич заявил, что он никакого намерения не имел распространять эту литературу на фронте; и в доказательство депутат привел то обстоятельство, что везет на фронт 10000 экз. воззваний Временного Правительства и других организаций, которые он будет распространять среди солдат. Объяснение В.М. Пуришкевича удовлетворило следственные власти, которые распорядились после телеграфного сношения с министром юстиции его освободить» (БВ. 1917. 20 апр. № 16192. Утр. вып. С. 4).

²⁴ * в соединении сил «разных партий». <Примеч. автора.>

²⁵ Т. Гиппиус оценивает тактику Керенского в едином ключе с З. Гиппиус, ср. записи в «Синей книги» 4 марта: «В Керенском – потенция моста, соединение тех и других, и преобразования их во что-то единое третье, революционно-творческое, (единственно-нужное сейчас)» (о кадетах и «голых левых»); 7 марта: «Керенский – сейчас единственный ни на одном из “двух берегов”, а там, где быть надлежит: с русской революцией. Единственный. Один».

²⁶ Мережковским и Философову: Ед. хр. 218. Л. 1–8.

²⁷ Ксения Анатольевна Половцова, см. о ней в примеч. к вступ. статье.

²⁸ Далее вариация на тему псалма 43 и др.

Мережковским и Философову: Ед. хр. 226. Л. 1.

²⁹ Первое коалиционное правительство с участием социалистов было образовано 5 (18) мая 1917 г. (см. примеч. 25).

³⁰ 18 апреля 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства Павел Николаевич Миллюков (1859–1943) передал ноту правительствам Англии и Франции, 19 апреля она была напечатана в газетах вместе с повторно опубликованной декларацией Временного правительства от 27 марта 1917 г.; в ней говорилось, что Россия продолжает оставаться верной договорам с союзниками. Нота спровоцировала массовые волнения, которые привели к правительственному кризису. Печать бурно реагиро-

вала на события; газета «Биржевые ведомости» в заметке «Нота союзникам» ставила вопрос: «Кому и зачем нужен был этот плод министерского творчества? (Ведь Временное Правительство уже высказало все и ясно нотой от 27 марта.) Неясность ноты уже стала источником толкований, возбуждающих настроения масс, которые переводят смысл дипломатической ноты в плоскость общеполитических внутренних взаимоотношений правительства и демократии. На этой почве вырастает опасность для молодой народной свободы, единственная защита которой – единение всех классов. Министерством допущена ошибка, но эта ошибка, к счастью, не принадлежит к разряду непоправимых. Сейчас задача заключается, прежде всего, в том, чтобы не обострять положения. У себя мы можем сейчас идти разными путями к одной цели, но в области международных отношений у нас не может быть двух России с двумя решениями» (БВ. 1917. 21 апр. № 16194. Утр. вып. С. 3). Там же в разделе «Отголоски ноты министра иностранных дел П.Н. Милюкова союзникам» печатались репортажи о происходивших демонстрациях, организованных различными партиями и войсковыми частями (участвовали Финский, Московский и 180 полк, часть 2-го Балтийского флота; всего 15 тыс. солдат).

³¹ Вечером 21 апреля состоялось совместное заседание правительства и руководства Совета, на котором министр-председатель Г.Е. Львов впервые поставил вопрос о коллективной отставке членов кабинета и образовании коалиционного правительства (соглашение между Временным правительством и Исполкомом Петроградского совета о создании коалиции достигнуто не было).

³² Репортажи о праздновании 1-го мая печатались во всех столичных газетах, в большинстве случаев с подробным отчетом о митингах и демонстрациях, проходивших в центральных районах города; из отчетов следовало, что в день Первомайского праздника во всем Петрограде царил общее воодушевление, это был настоящий праздник всенародного согласия. Газета «Речь» освещала торжество исключительно в идиллических тонах: «В 12 часов дня Невский проспект на перекрестке Садовой ул. трудно было пройти, так как непрерывно одна за другой проходили многотысячные манифестации. Весь Невский пр. представлял из себядвигающийся лес красных флагов, знамен, плакатов; отовсюду доносились звуки военных оркестров, играющих интернационал и национальные гимны: польский, латышский, малороссийский и др. Звуки оркестров сливались с пением многотысячных хоров: тут и голоса еврейского Бунда, печальные татарские песни, тут и польские мотивы, песни всех народностей, населяющих Россию. На углу Садовой и Невского пр. развевается огромный красно-зеленый флаг общества международного языка эспе-

ранто. Оратор этого общества призывал записываться в члены общества эсперанто и его внимательно слушали. Вообще надо заметить, что всех ораторов слушали со вниманием, спокойно, в полной мере соблюдая свободу слова, давая каждому высказываться. Садовая ул. к Марсову полю была предоставлена исключительно только манифестантам, которые стройными рядами выходили на Марсово поле. К 12 час. дня Марсово поле представляло из себя редкую по красоте картину. Оно было запружено толпами народа. Только посредине оставался небольшой проход для шествия манифестантов. Десятки автомобилей стояли по разным концам поля, украшенные гигантскими флагами-плакатами. Вот автомобиль, на котором развевается огромное красное знамя с изображением Карла Маркса и подписью «Газета «Правда»». Рядом с этим знаменем развевается другое, черное. С автомобиля два оратора произносят речи. Один оратор стоит на одном конце автомобильной платформы и разъясняет смысл анархического учения. На противоположной стороне платформы большевик-правдист излагает свою точку зрения. Обоих ораторов толпа спокойно слушает. <...> Говорили речи солдаты, рабочие, чиновники, курсистки, студенты, инженеры. С одного автомобиля инженер от имени русской интеллигенции призывает народ сохранять единство и объясняет значение призывов Временного Правительства. <...> Мы должны сплотиться вокруг него, так как оно является выразителем всей народной воли, выразителем культурным, имеющим большой политический опыт и обладающим глубоко национальным сердцем. У Временного Правительства русское сердце. Сердце русского народа, и каждый, любящий свою родину, должен чувствовать и понимать Временное Правительство. Громкие крики «ура» покрывали речь этого оратора. <...> Приезжали на Марсово поле и произносили речи члены Исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов, Н.С. Чхеидзе, Скобелев, Церетели и др.» и далее в том же духе следовал обзор празднества у Александровского сада, на Исаакиевской площади, в цирке Чинизели, где под шумные приветственные овации выступал Керенский, на площади Казанского собора и на Театральной площади; «между Аничковым мостом и Екатерининским сквером происходили многотысячные митинги, где выступали представители социал-революционеров, социал-демократов, национальных партий и групп – грузинских, армянских, татарских, еврейских, польских, эстонских и т. д. Выступали ораторы – солдаты, только что приехавшие с позиции. Эти ораторы делились своими впечатлениями с фронта, говорили, что на фронте солдаты тоже готовы защищать свободную Россию и народоправство, как и в глубоком тылу, и в революционном Петрограде. <...> Следует еще отметить манифестацию амнистированных уголовных. Над-

пись на их знамени гласит: “Дайте нам скорее паспорта”» (Речь. 1917. 20 апр. № 91. С. 4). В этом же номере в рубрике «Последние новости» опубликована нота Временного правительства иностранным державам от 18 апреля.

³³ То есть по маршруту трамвая № 18 от Таврического дворца, где заседала Государственная дума, – на Невский, 33, к зданию Петроградской городской думы (орган городского самоуправления).

³⁴ *смотри дальше <Примеч. и курсив автора>. Павел Васильевич Раевский (1878–1940) – священник, богослов, действительный член РФО в Санкт-Петербурге / Петрограде; в 1915–1926 гг. настоятель Спасо-Бочаринской церкви на Выборгской стороне; в 1922 г. примкнул к обновленцам, см. биографическую справку: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: В 3 т. М., 2009. Т. 3. С. 576.

³⁵ Михайловская улица проходит в центре Петербурга: от площади Искусств (ранее Михайловской пл.) до Невского проспекта – прямо к зданию Городской думы.

³⁶ Длинные узкие флаги – характерная примета протестных выступлений эпохи мировой войны и Февральской революции; иногда их изготавливали из национального российского флага: отрывали синюю и белую полосы и оставляли только красную (см.: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 25–26).

³⁷ Мариинский дворец (часть ансамбля Исаакиевской площади, построен в 1839–1844 гг. по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера), после Февральской революции был занят Временным правительством, работавшим здесь до июня 1917 г., с 7 августа во дворце начала работать Всероссийская комиссия по выборам в Учредительное собрание.

³⁸ Большая Морская улица проходит от Невского проспекта до пересечения Мойки и Крюкова канала через Исаакиевскую площадь, на которой находится Мариинский дворец; в 1929 г. Мариинская площадь перед дворцом вошла в состав Исаакиевской площади (в 1923 г. переименована в площадь Воровского, в 1944 г. название возвращено).

³⁹ Ср. отчет с места событий на углу Морской и Невского пр.: «На углу этих улиц произошло столкновение между двумя колоннами манифестантов, причем матросы 2-го Балтийского флотского экипажа штыками проткнули белые знамена сторонников Временного Правительства и Милокова» (За и против Временного Правительства // *БВ.* 1917. 21 апр. № 16194. Утр. вып. С. 3).

⁴⁰ Речь идет о торжественных похоронах жертв Февральской револю-

ции на Марсовом поле 23 марта 1917 г. Об организации и церемониале похорон см.: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть. С. 48–56 (гл.: Праздники свободы).

⁴¹ Владимир Николаевич Львов (2-й) (1872–1934) – депутат Думы 3-го (октябрист, в апреле 1910 г. вышел из фракции, затем независимый националист) и 4-го созыва от Самарской губ. (фракция центра, товарищ председателя); 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной думы. Со 2 марта по 21 июля обер-прокурор Синода.

⁴² Давид Давидович Grimm (1864–1941) – профессор, крупнейший в России знаток римского права; с 1907 г. член Государственного совета по выборам от Академии наук и российских университетов; входил в думский Прогрессивный блок. В апреле 1917 г. вошел в состав Временного правительства в качестве товарища министра просвещения.

⁴³ Борис Владимирович Штюрмер (1848–1917) – член Государственного совета с 1904 г.; с 1916 г. – председатель Совета министров (январь–ноябрь 1916), с 3 марта по 7 июля того же года одновременно министр внутренних дел, с 7 июля по ноябрь – министр иностранных дел; после Февральской революции арестован, умер в Петропавловской крепости.

Назначение Штюрмера на министерские посты вызвало рост оппозиционных настроений. А.И. Гучков характеризовал его «если не готовым уже предателем, то готовым предать». На открытии осенней сессии Государственной думы 1 ноября 1916 г. была зачитана декларация Прогрессивного блока с требованием немедленной отставки правительства Штюрмера. П.Н. Милоков произнес свою ставшую знаменитой антиправительственную речь, в которой, не имея на то достоверных оснований, обвинил императрицу Александру Федоровну и премьер-министра Штюрмера в подготовке сепаратного мира с Германией; обвинение в германофильстве и государственной измене Милоков аргументировал заметками в немецких газетах, рефреном его выступления были слова: «Что это, глупость или измена?». Речь была размножена на гектографе (хотя была запрещена к распространению Штюрмером) и нашла горячий отклик в политических кругах, косвенно ускорила Февральскую революцию. См.: *Ганелин Р.Ш.* Странники сепаратного мира с Германией в царской России // Проблемы истории международных отношений: Сб. ст. памяти академика Е.В. Тарле. [Б.м.], 1972. С. 126–155. Об исторической речи Милокова, вероятно, не случайно 22 апреля 1917 г., в разгар антивоенных волнений, вызванных «нотой», напомнила газета «Речь»: «... народ взял ее (речь. – М.П.) штурмом. Это был первый взрыв, первая мина под старую бюрократию» (Речь. 1917. № 93. С. 5).

⁴⁴ Тема пасхальных братаний в апрельские дни широко освещалась в

печати; например, публицист газеты «Дело народа» Н. Фалеев в статье «Братание в окопах» писал: «В пасхальные дни по всему фронту молчали пушки, не взвивались ракеты <...> Что бы ни говорили злопыхающие победоносители во что бы то ни стало, факт остается фактом и его следует признать: среди окопных сидельцев в пасхальные дни чувствовалось особое настроение, успокоительное, примирительное, совершенно мирное настроение. И мы и немцы хотели на минуту забыть от ужасов окружающей обстановки, на минуту отойти от жерл пушек и не слышать неперемного лая орудий и “осознать” тишину. Кое-какие сведения и слухи проникли уже в печать. Мы ходили в гости к немцам, немцы ходили в гости к нам. <...> Куда? В окопы. Немцы угощали наших кофе и приличным вином. Мы угощали их кислыми щами, здоровеннейшей кашей с маслом. <...> Больше двух лет длится убийственная война. Не первую Пасху встречаем мы в окопах. В прошлом году такое же братание происходило в те же пасхальные дни. Так же размахивали обе стороны белыми флагами, так же сходились и расходились <...>. Уходили не только отдельные лица, – случалось, уходили и целые батальоны» (Дело народа. 1917. 23 апр. С. 1). Либеральная печать возлагала ответственность за дезорганизацию армии всецело на большевиков, обвиняя их в преступной пораженческой агитации, которую они неустанно вели на страницах «Правды», например: 21 апреля 1917 г. «Правда» напечатала ленинское «Воззвание к солдатам всех воюющих стран», оно было издано на языках воюющих стран и распространено на фронте (см.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. М.; Л., 1969. Т. 31. С. 293–296, 555), и мн. др. Об организации братаний на русско-германском фронте в 1916–1917 гг. и, в частности, подрывной деятельности австрогерманских спецслужб, участвовавших в организации протестного движения в русской армии см.: *Базанов С.Н.* Из истории развала русской армии в 1917 году // *Армия и общество. 1900–1941 гг.: Статьи и документы.* М., 1999. С. 52–64; *Базанов С.Н., Пронин А.В.* Бумеранг братания: Подрывная деятельность австро-германских спецслужб против русских войск в 1917 году // *Военно-исторический журнал.* 1997. № 3. С. 50–57.

⁴⁵ *сейчас братанье с коньяком и с средством от вшей, и без погон, чтоб № не показывать <Примеч. автора>.

Немецкие солдаты закрывали тряпочками погоны, чтобы не был виден номер полка. Об этом писал Вл. Самойлов в газете «Русская воля» (1917), его очерки использовал А.И. Солженицын в «Красном колесе» (сообщено Б.И. Колоницким).

⁴⁶ Система воспитания, предложенная в первой половине XX в. итальянским педагогом, врачом и мыслителем Марией Монтессори (1870–

1952), основана на индивидуальном подходе педагога к каждому ребенку, развитие индивидуальности является приоритетом.

⁴⁷ Далее вымарано пять строк.

⁴⁸ Вероятно, одна из сестер Волочковых: Александра Георгиевна или Екатерина Георгиевна. Они обе состояли действительными членами Петроградского религиозно-философского общества с 1913 г.

⁴⁹ Евгений Павлович Иванов (1879–1942) – писатель, друг А.А. Блока; действительный член Петроградского религиозно-философского общества; был причастен к религиозной жизни Мережковских, см.: *Истории «новой» христианской любви: Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов.* М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 391–455.

⁵⁰ Возможно, Григорий Афанасьевич Василевский, действительный член Петроградского религиозно-философского общества; в заседании 8 марта 1915 г. читал доклад «Винувата ли германская культура», в дискуссии принимали участие Д.В. Философов, Д.С. Мережковский, А.В. Карташев, А.А. Мейер и др. (впервые доклад и прения опубл.: *Записки Петроградского Религиозно-философского общества 1914–1915.* Пг., 1916. Вып. VI. С. 97–110).

⁵¹ Мережковским и Философову: Ед. хр. 218. Л. 11–16.

⁵² С началом Первой мировой войны Плеханов образовал свою социал-демократическую группу, в которую вошли главным образом меньшевики-оборонцы. Организационно группа оформилась после Февральской революции, с начала 1917 до января 1918 г. издавала в Петрограде газету «Единство» (редактор Г.В. Плеханов); члены группы выступали в поддержку Временного правительства и за продолжение войны с Германией. В апреле 1917 г. в газете был напечатан цикл оборонческих статей Плеханова под общим заголовком «Война и мир». Т. Гиппиус разделяла политическую платформу «Единства», прежде всего установку на консолидацию всех левых партий вокруг Временного правительства. См., например, письмо Плеханова к согражданам, опубликованное в газете с репортажем о праздновании 1 Мая: «Задача левых партий в России заключается в систематическом упрочении позиций, добытых только что совершившейся революцией. Для решения этой задачи они должны не низвергать Временное Правительство, как этого хотели бы некоторые политические фанатики, а дружно поддержать его»; там же: «Другое условие прочности свободы – не быть побежденными германским империализмом <...> принимая участие в войне и защищая родину с оружием в руках, как это делают социалисты-демократы всех стран» (*БВ.* 1917. 20 апр. № 16192. Утр. вып. С. 5).

⁵³ Речь идет о подготовке Всероссийского съезда крестьянских депутатов, который работал в Петрограде 4 (17)–28 мая (10 июня) 1917 г. В организации съезда принимали участие вернувшиеся в феврале 1917 г. из эмиграции деятели эсеровской партии: И.И. Фондаминский (избран товарищем председателя Исполкома Совета крестьянских депутатов), Н.Д. Авксентьев (избран членом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, председателем Всероссийского совета крестьянских депутатов), В.М. Чернов (с 5 мая 1917 г. министр земледелия коалиционного Временного правительства) и др.

Вероятно, выражая «благодарность» «заграничным друзьям», Т. Гиппиус имела также в виду передовицы, опубликованные в «Деле народа» 27 апреля. В статье «Задачи России» Авксентьев писал: «Слепцы или безнадежные доктринеры те, кто теперь открыто проводит лозунг: долой войну, во что бы то ни стало. Слепцы или безнадежные те, которые теперь видят противоречие между международной и национальной задачами России. <...> Дать разбить противнику революцию в России – значит задушить революцию, значит дать возможность притаившейся контрреволюции <нанести> предательский удар в спину свободной России» (Дело народа. 1917. 27 апр.. № 34. С. 1). В статье «Коалиционное правительство и война» (Там же) В. Чернов поддержал идею создания коалиционного правительства, при условии пересмотра вопроса о целях войны (в сторону мира); несмотря на «вилльную» тактику Чернова, сам факт готовности эсеров войти в коалиционное правительство в тот момент Мережковские оценивали позитивно.

⁵⁴ Ираклий Георгиевич Церетели (1881–1959) – один из лидеров меньшевиков, депутат II Государственной думы; с марта 1917 г. входил в состав Исполкома Петроградского совета, «революционный оборонец»; в качестве министра почт и телеграфов вошел в первое коалиционное Временное правительство, с 8 по 24 июля временно управляющий Министерством внутренних дел. На Всероссийском совещании Советов (29 марта/11 апреля – 3/16 апреля) выступал с докладом об отношении к войне; принятая по его предложению резолюция содержала призыв к демократии мобилизовать все силы страны для укрепления фронта и тыла, а также к объединению на общей платформе всех социал-демократов.

⁵⁵ В редакционной статье «Революционный юбилей», приуроченной к одиннадцатой годовщине созыва I Государственной думы, осуждалась экстремистская тактика Ленина – призыв к вооруженному восстанию и немедленному захвату власти. Автор передовицы писал: «Снова, как и 11 лет тому назад, мы призываем пролетариат России следовать путем европейского социализма и его испытанной тактике. Только широкое и

принципиально последовательное участие рабочего класса в политической жизни буржуазного государства обеспечит укрепление демократической позиции классового рабочего движения, вплоть до осуществления конечной цели – социалистического общества» (Единство. 1917. 27 апр. № 24. С. 1).

⁵⁶ Зинаиде Гиппиус: Ед. хр. 60. Л. 8 (открытое письмо).

⁵⁷ *поразительно подделывают речи. «День» перестала покупать – возмущает эта фальшь – в «Речи» полно, «Биржевка» сокращенно, а «Новая жизнь» – врет. <Примеч. автора> .

⁵⁸ В выступлении на съезде делегатов фронта (29 апреля) Керенский выразил тревогу за будущее страны и революции: «...и я пришел к вам потому, что силы мои на исходе, потому что я не чувствую в себе прежней смелости... у меня нет прежней уверенности, что перед нами не взбунтовавшиеся рабы, а сознательные граждане, творящие новое государство <...>. Мы хлебнули свободы, и мы немного охмелели. Но не опьянение нужно нам, а величайшая трезвость и дисциплина». Он заявил, что правительство сможет спасти Россию от гибели только при условии полного доверия и поддержки революционного народа, и в заключение сказал: «Я жалею, что не умер тогда, два месяца назад, я умер бы с великой мечтой, что раз навсегда для России загорелась новая жизнь. Что мы умеем без хлыста и палки управлять своим государством, не так, как им управляли прежние деспоты. <...> Мой диагноз: если сейчас не будут всеми признаны трагизм и безвыходность положения, если не поймут, что сейчас на всех лежит ответственность, если наш государственный организм не будет действовать так же правильно, как хорошо прилаженный часовой механизм, тогда все, о чем мы мечтали, к чему стремимся, будет отброшено еще на несколько лет назад, а может быть, затоплено кровью» (Речь Керенского // Единство. 1917. 30 апр. № 27. С. 3). Керенского поддержал выступавший за ним Церетели: «Та тревога, о которой говорит Керенский, царит и среди нас. <...> У нас одна опасность – опасность дезорганизации и смуты» и т. д. (стенографический отчет там же).

⁵⁹ Александр Иванович Гучков (1862–1936) – лидер партии «Союз 17 октября»; председатель III Государственной думы (1910–1911), член Государственного совета (1907; 1915–1917); в марте–мае 1917 г. военный и морской министр в первом составе Временного правительства; в апреле из-за неспособности противостоять разложению армии подал в отставку; официально покинул Временное правительство в мае, вместе с П.Н. Миллюковым. В апреле «Речь» и др. газеты регулярно помещали сообщения о состоянии здоровья Гучкова, который был вынужден прервать свое пребывание в Ставке из-за болезни и вернуться в Петроград. См. также примеч. 80.

⁶⁰ Поликсена Сергеевна Соловьева (1887–1924) – поэтесса, псевд. Allegro; сестра философа В.С. Соловьева; в 1905–1912 гг. совместно с подругой, Н.И. Манасеиной, издавала детский журнал «Тропинка», в котором сотрудничала Т.Н. Гиппиус в качестве иллюстратора; входила в ближайший круг сестер Гиппиус. В это время П.С. Соловьева жила на Офицерской улице (д. 9), рядом с Мариинским театром.

⁶¹ По сообщению газеты «Известия Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов» (1917. 23 апр. № 48. С. 5), со слов очевидца, вооруженное столкновение манифестантов было зафиксировано в середине дня на углу Невского и Екатерининского канала: «Со стороны защитников Временного Правительства были сделаны по рабочим выстрелы; <...> со стороны рабочих выстрелов не было, была лишь борьба из-за древка знамени и оружия». Другую версию столкновения демонстрантов напечатала газета «Речь» в отчете о митинге сторонников Временного правительства, проходившем на Мариинской площади. По сообщению газеты, во время митинга на площадь подошла новая манифестация, в составе которой были свидетели кровавого столкновения манифестантов на Невском, произошедшего около 4 ч. дня. По словам очевидца, «группа лиц, вооруженных винтовками, несла плакат “Долой войну”. Встретив на своем пути манифестацию сторонников Временного Правительства, лица эти вступили с ними в борьбу; раздались выстрелы, причем были ранены. Сообщение это произвело потрясающее впечатление. Раздались крики: “Позор”, “Немедленно арестовать Ленина”, “Долой изменников родины” и т. д.» (Речь. 1917. 22 апр. № 93).

⁶² Василий Андреевич Караулов (1854–1910) – народоволец, в 1884 г. осужден в каторжные работы, после освобождения в 1889 г. отправлен в Иркутскую губернию, работал фельдшером в селе Устюг, затем вместе с женой был переведен в Красноярск, под надзор полиции; в 1908 г. стал частным поверенным при Красноярском окружном суде; осенью 1905 г. возглавил в Красноярске партию народной свободы; в 1907 г. избран в III Государственную думу, где представлял взгляды политической оппозиции (правых кадетов). Смерть Караулова была воспринята его сподвижниками как событие общественного значения. А.А. Мейер писал: «Для РФО этот человек был особенно дорог тем, что сумел в своей тонкой и чуткой душе совместить горячее и живое общественное чувство, заставившее его испытать все ужасы каторги, – с глубокой христианской религиозностью. Это было именно то сочетание, которое главные деятели Общества, задававшие в нем тон, хотели видеть вообще в русской интеллигенции» (Мейер А.А. Петербургское Религиозно-философское общество // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: В 3 т. Т. 3: 1914–1917. С. 511).

^{63*} Заказали на Невском. Из белых лилий живых (красных цветов нигде нет) с красной лентой: Р.Ф. Об-во своему члену В.А. Караулову. <Примеч. автора.>

⁶⁴ В.А. Степанов.

⁶⁵ Александр Сергеевич Зарудный (1863–1934) – адвокат, в марте 1917 г. был назначен товарищем министра юстиции Временного правительства; входил в группу специалистов Особого совещания Временного правительства по подготовке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание; входил в третий состав (второй коалиционный) Временного правительства от Трудовой народно-социалистической партии; курировал следствие по делу большевиков, обвиненных в государственной измене, организации восстания и шпионаже в пользу Германии.

⁶⁶ Николай Константинович Волков (1875–после 1920) – депутат III и IV Государственной думы от Забайкальской области; в феврале 1917 г. назначен комиссаром в Министерство земледелия, 2 марта – товарищем министра земледелия А.И. Шингарева; поддерживал предложение Н.В. Некрасова о сотрудничестве с левыми партиями в правительстве; 3 октября 1917 г. вошел в состав Предпарламента.

⁶⁷ Газета «Речь» в отчете о митинге сообщала, что участники манифестации заявили: «Мы требуем немедленного ареста Ленина и высылки его из пределов России» (1917. 22 апр. № 93).

^{68*} он говорил о мечтах Ленина, которые не соответствуют действительности, что он невольно обманывает и что надо самим иметь голову на плечах. Назвал дом Кшесинской гнилым болотом. И все без злобы, а с юмором <Примеч. автора>.

⁶⁹ Матвей Иванович Скобелев (1885–1938) – меньшевик; депутат IV Государственной думы; заместитель председателя Петроградского совета и председателя ЦИК I Съезда Советов (июнь 1917), 5 мая в коалиционном Временном правительстве занял пост министра труда; один из лидеров эсеро-меньшевистского блока. Борис Осипович Богданов (1884–1960) – меньшевик, оборонец, один из организаторов военно-промышленных комитетов, член Организационного комитета меньшевиков, возглавлял правое крыло партии, член Исполкома Петроградского совета. Входил в состав комиссии, рассматривавшей вопрос об условиях участия социалистов в коалиционном правительстве. Во время Корниловского мятежа – член Комитета народной борьбы с контрреволюцией.

⁷⁰ 23 апреля 1917 г. в Таврическом дворце состоялась собрание представителей полковых и батальонных комитетов Петроградского гарнизона для обсуждения вопроса об отношении к Временному правительству. Выступавший на этом собрании от имени Исполнительного комитета

Б.О. Богданов сообщил о ликвидации конфликта и решении Исполнительного комитета восстановить прежние взаимоотношения с Временным правительством; большинство ораторов высказались за прямое участие социалистов в правительстве и образование коалиционного министерства.

⁷¹ * м.б. и изменяющей даже кое-что в позиции Вр<ременного> Прав<ительства>, но как советчик, друг, а не враг. <Примеч. автора.>

⁷² «Вставай, подымайся, рабочий народ...» – первая строка припева «Рабочей Марсельезы» («Отречемся от старого мира!...»); слова П.Л. Лаврова, исполнялась на музыку «Марсельезы» (автор Клод Жозеф Руже де Лиль). Временное правительство утвердило «Марсельезу» в качестве государственного гимна 2 (15) марта 1917 г.; первое время она исполнялась под оригинальную французскую мелодию, но затем композитор А.К. Глазунов видоизменил музыку так, чтобы она лучше соответствовала русским словам. В среде левых партий «Марсельеза» была встречена неоднозначно, 4 апреля 1917 г. Петроградский совет принял решение исполнять «Интернационал» вместо «Марсельезы», решение не имело поддержки со стороны Временного правительства, окончательное решение о гимне, предполагалось, должно принять будущее Учредительное собрание. Об оппозиции гимнов («символов власти») см.: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. С. 285–303.

⁷³ Вероятно, ошибочно: имеется в виду резиденция военного министра на набережной реки Мойки, д. 67, у Красного моста (чаще всего его называют «дом П.А. Кочубея» или «дом военного министра»); в 1900–1915 гг. квартиру занимал В.А. Сухомлинов, а в 1915–1916 гг. А.А. Поливанов.

⁷⁴ Ср. отчет о событии в газете «Речь»: «21 апреля состоялась грандиозная манифестация, устроенная партией народной свободы. Манифестация направилась к Невскому пр. от помещения клуба партии народной свободы на Французскую набережную. Впереди манифестации ехал автомобиль, на котором находился флаг с надписью “Доверие Временному Правительству”. <...> Здесь же на автомобиле находились плакаты с надписью “Победа свободных демократий”, “Долой германский милитаризм”, “Да здравствует Временное Правительство”, “Да здравствует Миллюков”, “Долой анархию”, “Да здравствует революционный народ и армия”. <...> Толпа все время возрастала, и в момент прибытия к Мариинскому дворцу число манифестантов достигло нескольких десятков тысяч. По всему пути шествия манифестантов встречали громовым “ура” в честь Временного Правительства, армии и в честь союзников. На Морской улице манифестанты встретили двух французских офицеров. Манифестанты подняли французских офицеров на руки и внесли их в авто-

мобиль, в котором находились члены Центрального Комитета. М.М. Винавер приветствовал в лице французских офицеров нашу благородную союзницу Францию. Толпа в ответ на это огласила воздух кликами “Vivat la France”. <...> Была образована цепь, через которую делегаты от манифестантов вместе с двумя французскими офицерами направились в Мариинский дворец. Министров, однако, во дворце не оказалось. <...> Затем манифестанты отправились к квартире военного министра. Здесь произнесли речи – военный министр А.И. Гучков и министр иностранных дел П.Н. Миллюков, которому толпа устроила продолжительную овацию» (Речь. 1917. 22 апр. № 93. С. 6).

⁷⁵ Часовня во имя Христа Спасителя Гуслицкого Спасо-Преображенского мужского монастыря Московской губернии, построенная между Гостиным Двором и Городской думой перед портиком Перинной линии в 1860–1861 гг. по проекту архитектора А.М. Горностаева, в русском стиле; в 1919 г. часовня стала приходским храмом, в 1929 г. снесена как «уродливая» по требованию общества «Старый Петербург».

⁷⁶ Мф 11:29.

⁷⁷ Об этом случае сообщала газета «Известия Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов» (1917. 23 апр. № 48. С. 5) в заметке «Письмо в редакцию» за подписью Б.В. Авилов: «Около 10 ч. вечера 21 апреля на углу Невского и Садовой при столкновении демонстрантов были произведены выстрелы из ружей, в результате которых оказались убитые и раненые. <...> первые выстрелы раздались со стороны Публичной Библиотеки, навстречу демонстрантам, которые несли плакаты “Долой Временное Правительство”». Аналогичная заметка – о стрельбе по рабочим 21 апреля на углу Невского и Садовой ул. в десять часов вечера – была напечатана в газете «Дело народа» (1917. 25 апр. № 32. С. 2: Коган Н. Кто же начал стрелять первым? Письмо в редакцию).

⁷⁸ Речь идет о торжественных похоронах жертв Февральской революции на Марсовом поле, состоявшихся 23 марта 1917 г.

⁷⁹ О панихиде газета «Вечернее время» писала: «Вчера на Волковом <так> кладбище была снята доска, прибитая старым правительством на памятник бывшего члена Гос. Думы третьего созыва В.А. Караулова. В 9 часов утра в соборе Волкова кладбища была совершена заупокойная литургия и панихида, служил архиепископ Сергей Финляндский. По окончании литургии все перешли на могилу В.А. Караулова. У памятника собралась тысячная толпа. <...> На могиле была совершена лития, после чего были произнесены речи». А.В. Карташев не упомянут в списке выступавших (упомянуты: Сергей Финляндский, Н.В. Некрасов, М.М. Винавер и др.); далее сообщалось: «Последним говорил сын по-

койного, офицер, только что вернувшийся с фронта. Он призвал исполнить заветы отца, говорил о необходимости бороться за светлое будущее России, за молодую свободу и отстаивать от варвара, попирающего наши земли. На могилу В.А. Караулова было возложено много венков от целого ряда общественных организаций. Доска, несколько лет закрывавшая слова, начертанные на памятнике В.А. Караулова, была снята. На памятнике запечатлены слова, сказанные покойным на дикий выкрик члена Гос. Думы священника Вераксина: “Каторга”, по адресу В.А. Караулова. “Да, я был каторжником, с бритой головой и с кандалами на ногах я мерил бесконечную Владимирку. Я мерил ее за то, что в свое время смел желать и говорить о том, чтобы вы были собраны в этом собрании. И то, что я был каторжником, составляет мою гордость на всю мою жизнь. В той могучей волне, которая вынесла вас в эту залу, есть одна моя капля, капля моей крови и моих слез: она мала и не заметна, но я знаю ее существование перед Богом и людьми”» ([Б. п.] Памятник заговорил // Вечернее время. 1917. 24 апр. (17 мая). № 1803. С. 2).

⁸⁰ То есть очередь из желавших попасть на митинг в здание Биржи протянулась на несколько линий Васильевского острова.

⁸¹ Подробный отчет о панихиде на Волковском кладбище и вечере в фондовой бирже 23 апреля см.: Памяти В.А. Караулова // Речь. 25 апр. 1917. № 95; Памяти Караулова: На Волковом <так!> кладбище. Собрание в зале фондовой биржи // БВ. 1917. 25 апр. № 16200. Утр. вып. С. 6. По сообщению газет, на вечере присутствовало 6000 человек; собрание памяти покойного члена Государственной думы В.А. Караулова превратилось в большую манифестацию в честь Временного правительства; выступали: А.В. Карташев, Н.В. Некрасов, А.И. Шингарев, К.М. Аггеев, М.М. Винавер, П.Н. Милюков и др. В своей речи Карташев призвал собравшихся «во имя светлой памяти покойного борца не допустить того, чтобы сыны России впали в грех матереубийства и допустили Россию погибнуть от внешнего врага». Призыв был встречен «шумными аплодисментами, не смолкавшими в течение нескольких минут»; затем выступал сын Караулова, «с негодованием отвергший обвинения своего отца в ренегатстве и призвавший во имя его памяти стать на защиту родины». Криками «ура» и громкими аплодисментами был встречен приезд П.Н. Милюкова: «Винаверу пришлось прервать свою речь, толпа расступилась, и министр иностранных дел Временного Правительства с красной розой в петлице прошел через весь зал на трибуну. Шумные рукоплескания и крики ура, “Да здравствует Временное Правительство”, “да здравствует культурная Россия в лице П.Н. Милюкова”, “Многие лета П.Н. Милюкову”, “Доверие Временному Правительству” потрясли зал в течение четверти часа» (Там же).

⁸² Мережковским и Философову: Ед. хр. 218. Л. 18–22.

⁸³ 30 апреля 1917 г. А.И. Гучков обратился к министру-председателю Г.Е. Львову с просьбой об отставке, в тот же день на частном совещании членов Государственной думы он мотивировал причины ухода: ленинская агитация, развал фронта, контроль за действиями главнокомандующего со стороны Совета солдатских и рабочих депутатов, уход начальника Петроградского гарнизона ген. Корнилова; нежелание «разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины» – «Я ушел от власти, потому что ее просто не было; болезнь заключается в странном разделении между властью и ответственностью: на одних полнота власти, но без тени ответственности, а на видимых носителях власти полнота ответственности, но без тени власти» (Кризис власти: Отставка А.И. Гучкова. Беседа с А.И. Гучковым // БВ. 1917. 2 мая. № 16212. Утр. вып. С. 4).

⁸⁴ Статья «Отечество в опасности» (Единство. 1917. 2 мая. № 28. С. 1) начинается с цитаты из опубликованной 2 мая в «Единстве» речи Керенского («Мой диагноз: если сейчас не будут всеми признаны трагизм и безвыходность положения, <...> тогда все, о чем мы мечтали, к чему стремимся, будет отброшено еще на несколько лет назад, а, может быть, затоплено кровью», – см. примеч. 53), которую Плеханов дополнил: «и отброшено назад не только на несколько лет, а на продолжительное и, – как знать? – весьма продолжительное время». Он констатировал, что военная мощь России подорвана разложением армии, начавшимся с массового братания на русско-германском фронте, а также уходом в отставку лиц высшего военного состава (Гучков объявил о своей отставке на съезде делегатов фронта 29 апреля, одновременно с поста начальника Петроградского военного округа ушел ген. Корнилов). Во избежание установления «диктатуры нескольких десятков лиц» (т. е. ленинцев), Плеханов призвал предоставить полноту власти высшему командному составу армии (без резолюции Советов по поводу отдаваемых воинскими начальниками приказов), запретить братания; немедленно создать коалиционное правительство (вечером 28 апреля вопрос о коалиции был поставлен на голосование Исполнительного комитета, итог был отрицательным: 23 голоса против 22, при 8 воздержавшихся); в своем обращении он писал: «Как для апостола Павла не существовало ни иудеев, ни обрезанных, ни необрезанных, а существовали только сторонники его понимания христианства, так и для нас в этом вопросе не должно быть ни меньшевиков, ни большевиков, ни членов организации “Единства”, ни социал-демократов, ни социалистов-революционеров, а должны существовать только люди, сознающие, что их отечество в опасности и что для его спасения необ-

ходим могучий порыв революционной энергии, способный поднять нас выше сектантского догматизма и партийных предупреждений». Плеханов особо подчеркнул противоречивое положение Керенского, входящего в состав министерства и принадлежащего к партии, которая «считает это несогласным со своими принципами» (после Февраля Керенский заявил о принадлежности к партии социалистов-революционеров).

⁸⁵ Юрий Михайлович Стеклов (псевдоним Ю. Невзоров, настоящее имя Овсий Моисеевич Нахамкис; 1873–1941) – социал-демократ, публицист, литературный критик; после Февральской революции – член Исполкома Петроградского совета; в 1917–1925 гг. – редактор газеты «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» (впоследствии «Известия ВЦИК», «Известия»).

...*разлагатели жизни*... – Возможно, аллюзия на сборники «Литературный распад: Критический сборник. Кн. 1» (СПб.: Кн-во «Зерно», 1908) и «Литературный распад. Кн. вторая: Критический сборник» (СПб.: Кн-во «EOS», 1909), в которых Стеклов выступил идеологом и автором «программных» статей (первый сборник открывается его статьей «Социально-политические условия литературного распада»).

⁸⁶ Мф 7:7–8; Лк 11:9.

⁸⁷ Текст молитвы о войне см. в Приложении.

⁸⁸ Лекция была опубликована в виде брошюры: *Мейер А.А.* Церковь и государство: (Лекции, читанные на курсы агитаторов). Пг.: изд. Народного университета им. Л.И. Лутугина, 1917. 7 стр.

...*агитаторские курсы* – сеть общеобразовательных курсов при народном университете, преимущественно для рабочих. Начиная с 1910-х гг. А.А. Мейер постоянно сотрудничал с Обществом народных университетов, о его лекторской деятельности см. во вступ. ст. С. Далинского в кн.: *Мейер А.А.* Философские сочинения. Paris: Edition de la Press Libre, 1982. С. 14–16. Здесь, вероятно, имеются в виду курсы при Народном университете, основанном в память профессора геологии, «отца» отечественной угольной промышленности Леонида Ивановича Лутугина (1864–1915). Университет был открыт в 1916 г. и функционировал в виде нескольких отделений (наиболее известное: «Безбородкинское»); в составе комиссии по увековечению памяти Лутугина и в числе пожертвовавших деньги на создание университета: К.К. Арсеньев, Н.И. Астров, Л.М. Брамсон, М. Горький, А.Ф. Керенский, М.М. Ковалевский, В.Г. Короленко, О.О. Грузенберг, П.И. Пальчинский и др.; в числе известных педагогов: М.В. Бернацкий, А.А. Гизетти, А.Я. Гуревич, О.А. Добиаш-Рожественская, Э.Ф. Лесгафт и мн. др. Деятельность университета после Февральской революции развивалась в рамках общественно-просве-

дательской программы Временного правительства, что нашло отражение в «политической платформе» народного университета, выработанной на общем собрании лекторов, см.: Народный университет им. Л.И. Лутугина: Отчет о деятельности за 1916–1917 уч. год. Пг., 1917. С. 22–23.

⁸⁹ В апреле Савинков был назначен комиссаром Временного правительства 7-й армии, с 28 июня – комиссар Юго-Западного фронта. 17 апреля Савинков писал З. Гиппиус: «Партия меня бойкотирует за “патриотизм” за Россию. А Илюша с партией. Он не бойкотирует меня, конечно. Но он не свой»; в письме 2 июля: «“Свои” ли мы? Я всей душой с Керенским. Илюша почти чужой. Авксентьев тоже. Нахамкисы всех видов, рангов и положений почти враги» (Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб., 2009. С. 309, 311).

⁹⁰ 4 (17) мая в Петрограде открылся I Всероссийский съезд крестьянских депутатов (работал по 28 мая/10 июня).

⁹¹ Мережковским и Философову: Ед. хр. 218. Л. 23–28.

⁹² То есть к П.С. Соловьевой и Наталье Ивановне Манасеиной (1869–1930) – издательнице детского журнала «Тропинка» (совместно с П.С. Соловьевой).

⁹³ *у него наверху крупным шрифтом: Родина на краю гибели! <Примеч. автора>

В 1917 г. газета «Вечернее время» в каждом номере вверху полосы (после заголовка газеты) печатала злободневные лозунги, они набирались крупным жирным шрифтом и сразу же привлекали к себе внимание, например такие: «В нашей победе торжество революции» (19 апреля), «Братание на фронте гибель армии» (20 апреля), «Доверие Временному Правительству» (21 апреля), «Гражданская война величайшее бедствие» (22 апреля), «Россия ждет единения и власти» (3 мая). Номер «Вечернего времени» с лозунгом «Помните, – Россия на краю гибели» из знаменитой речи Керенского (29 апреля) вышел 1 (14) мая (№ 1809), под ним был напечатан большой портрет Гучкова.

⁹⁴ Т. Гиппиус упрощает позицию Мейера по отношению к социал-демократам, см. его статьи 1917 г.: «Народ не толпа» (СПб.: изд. «Друзей Свободы», 1917. 12 с. Без имени автора); «Что такое свобода?» (Пг.: изд. Союза Солдат-Республиканцев, 1917. (№ 3). 16 с.); «Церковь и государство».

⁹⁵ 59 псалом Давида содержит мольбы о спасении во время войны, см. Псалтырь.

⁹⁶ Возможно, здесь подразумевается позиция «революционного оборончества», которую занимал Ю.М. Стеклов в Исполкоме Петроград-

ского совета. По предположению Б.И. Колоницкого, возможно также, речь идет не о конкретном человеке, а некоей персонификации: Стеклов олицетворяет позицию Совета, которая до приезда Церетели и др. политэмигрантов содержала значительный блок антивоенной риторики. Ср. запись З. Гиппиус по поводу декларации Совета рабочих и солдатских депутатов о войне в «Синей книге», 16 марта 1917 г.: «“К народам всего мира” – не плохо, несмотря на некоторые места, которые можно истолковать, как “подозрительные”, и на корявый, чисто эсдечный, не русский язык кое-где. Но сущность мне близка, сущность, в конце концов, приближается к знаменитому заявлению Вильсона. Эти “без аннексий и контрибуций” и есть, ведь, его мир “без победы”. Общий тон отнюдь не “долой войну” немедленно, а напротив, “защищать свободу своей земли до последней капли крови”».

⁹⁷ Жетон (металлическая монета) с надписью «Да здравствует 1-е мая Свободной России», выпущенный после Февральской революции накануне Первомайского праздника.

⁹⁸ Мережковским и Философову: Ед. хр. 218. Л. 29–30.

⁹⁹ Александр Иванович Коновалов (1875–1949) – крупный промышленник, член IV Государственной думы; с 1915 г. – товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета, один из организаторов думского Прогрессивного блока (член Бюро), принадлежал к его левому крылу. В марте–мае, сентябре–октябре 1917 г. министр торговли и промышленности Временного правительства. Весной 1917 г. осуждал силовое подавление выступлений леворадикальных политических сил. С июля 1917 г. член Партии народной свободы. 25 октября (7 ноября) 1917 г., в условиях большевистского переворота, в качестве заместителя министра-председателя после отъезда А.Ф. Керенского из Петрограда проводил последнее заседание Временного правительства. В тот же день вместе с другими министрами был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Находясь под стражей, был избран членом Учредительного собрания от кадетской партии.

¹⁰⁰ Ср. запись А. Блока от 8 (21) мая 1917 г., в Троицу, о лекции Мейера: «Я пришел почему-то в робкое Религиозно-философское общество. Тату и Нату приятно было увидеть. Говорит Мейер, говорит, *внедряясь*, перед малой аудиторией, по-видимому, присматриваясь к ней. Она какая-то, черт ее знает, приличная. Мейер потихоньку подползает к тому, что религиозное разрушение *больше* обычно революционного, ибо истинные ценности не уничтожимы. Но аудитория скромна. Она *все* выслушает <...>. Есть боязнь не разрушения, а *опустошения*. <...> “Опустошение самого дела революции – вот опасность. Для того чтобы быть сейчас с револю-

цией, нужно быть немного марксистом. Величайшая положительная сторона марксизма – то, что он не останавливается на *просто* политическом перевороте, он предполагает продолжение. Величайшая отрицательная сторона – нечувствие свободы, материалистическое отрицание личности”» (Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 340–341).

¹⁰¹ Зинаиде Гиппиус: Ед. хр. 60. Л. 10–11 (открытые письма).

¹⁰² Прибыtkово – дачный поселок под Гатчиной, по Варшавской железной дороге от Петербурга, в котором с 1890-х гг. отдыхала интеллигенция; в 1916 г. Т. и Н. Гиппиус начали строительство своего дома в Прибыtkове, завершить которое им помешали политические катаклизмы.

¹⁰³ Зинаиде Гиппиус: Там же. Л. 15 (открытое письмо).

¹⁰⁴ «Армия чести» – одна из военно-патриотических организаций; формирование ударных батальонов осуществлял созданный 13 июня 1917 г. Всероссийский центральный комитет по организации Добровольческой революционной армии.

¹⁰⁵ Зинаиде Гиппиус: Ед. хр. 60. Л. 15 (открытое письмо).

¹⁰⁶ См.: Женские маршевые отряды // Вечернее время. 1917. 7 (20) июня. № 1840. С. 3. В заметке сообщалось: «С таким девизом возникла в Петрограде новая организация – “Женский военно-народный союз добровольцев”. Союз основан с целью воскресить упавший дух армии и непосредственным участием в военных действиях против неприятеля доказать необходимость наступления во имя спасения чести, достоинства и свободы России. Для осуществления этих основных задач приступлено к формированию женских маршевых отрядов. Запись женщин, желающих вступить в отряды, производится во временном помещении женского Политехнического института. Группа слушательниц женского Политехнического института <...> еще до возникновения “Батальона смерти” унтер-офицера Бочкаревой, обратилась в военное министерство с ходатайством о разрешении формировать женские маршевые отряды, для участия в военных действиях, и для просветительско-агитационной работы в рядах наших войск. <...> Первоначально союз предполагал объединиться с батальоном Бочкаревой. От этого однако пришлось отказаться. Запись в организацию идет успешно. До вчерашнего дня записалось около 350 человек добровольцев. На днях состоится общее собрание всех записавшихся добровольцев для всестороннего освещения деятельности отрядов», после чего «состоится медицинское освидетельствование и будет приступлено к регулярным занятиям. Занятия под руководством офицеров и солдат предполагается начать на будущей неделе; продолжатся они двадцать дней, после чего добровольцами будет принесена присяга. Форма для добровольцев установлена следующая: гимнастерка и френч

и полушаровары, берет, ботинки, бинты. В свободное от службы время ношение формы необязательно, так же как и необязательна острижка волос».

¹⁰⁷ Петропавловская больница на Архиерейской ул. (в 1918 г. переименована в улицу Льва Толстого, а больница – в больницу Эрисмана, в 1935 г. передана Первому медицинскому институту). Госпитали Союза земств и городов – благотворительные лазареты для раненых военнослужащих, созданные общественными организациями. В годы Первой мировой войны в Петрограде была развернута целая сеть благотворительных лазаретов, в числе самых больших был Петроградский госпиталь № 1, открытый в октябре 1914 г. в помещениях Политехнического и Лесного институтов.

¹⁰⁸ Мария Леонтьевна Бочкарева (1889–1920) – одна из первых русских женщин-офицеров (произведена во время революции 1917 г.), поручик; создала первый в истории русской армии женский батальон; кавалер Георгиевского креста. См. о ней: Родина: Российский исторический журнал. 1993. № 8–9. С. 81; Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. М.: Воениздат, 2001; Дроков С.В. Мария Бочкарева: Краткий биографический очерк русского воина // Русский исторический сборник. М.: Кучково поле, 2010. Т. 2. С. 195.

¹⁰⁹ Мережковским и Философову: Ед. хр. 216. Л. 1–4.

¹¹⁰ Марк Осипович Маркович – член Петроградского религиозно-философского общества; он и его жена Наталья Ивановна входили в Религиозно-философский кружок А.А. Мейера и К.А. Половцовой; оба часто упоминаются в письмах Т. Гиппиус к близким; в 1916 г. М.О. Маркович поступил прапорщиком в 171-й пехотный запасной батальон; в письме от 29 ноября 1916 г., вероятно, по просьбе Марковича Т. Гиппиус сообщала ему адреса иконных лавок, в которых можно было недорого приобрести иконы для солдат, а также выражала желание написать икону для него: «...я с радостью написала бы икону сама. Просто хочется как-нибудь в войне поучаствовать с вами» (ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 264). В архиве Половцовых сохранились два письма Марковича к К. Половцовой и его доклад или тезисы лекции 1917 г. «Причины государственного переворота» – краткий очерк освободительной борьбы от декабристов до Февральской революции (ОР РНБ. Ф. 601. Ед. хр. 1652, 2083).

¹¹¹ См. примеч. 48.

¹¹² Во второй половине июня 1917 г. Керенский, занявший после ухода Гучкова пост военного и морского министра, находился на фронте в действующей армии; 29 июня он прибыл в Киев, где его ждали министр почт и телеграфа Церетели и министр иностранных дел Терещенко, для

переговоров с Центральной радой по вопросу об автономии Украины; затем к ним присоединился министр путей сообщения и министр финансов Некрасов.

¹¹³ Слухи об эвакуации, вероятно, возникли в связи с угрозой прорыва немцев под Ригой, что могло создать реальную угрозу Петрограду (прорыв Рижского фронта произошел в августе 1917 г., непосредственно перед Корниловским мятежом).

¹¹⁴ * вот где революция! по какому-то религиозно. <Примеч. автора.>

¹¹⁵ Обер-прокурор Синода В.Н. Львов.

¹¹⁶ В.А. Степанов.

¹¹⁷ Вероятно, речь идет об участии Львова в работе Предсоборного совета в Москве, на котором 4 июля 1917 г. было принято «Положение о созыве Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви в Москве 15 августа 1917 года».

¹¹⁸ Константин Маркович Аггеев (1868–1920) – священник, один из создателей «Братства церковного обновления», публицист, действительный член Петроградского религиозно-философского общества; с апреля 1917 г. председатель Учебного комитета при Святейшем синоде, член Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. Ср. замечание о «левизне» Аггеева (и ему подобных священников-«демократов») в «Синей книге», в записи от 25 марта 1917 г.: «Толстого они не пошли провожать, и не только “не стремились”, а даже молиться о нем не молились... начальство запретило. Тот же Аггеев, из страха перед “е. н.”, как он сам признался, даже на толстовское заседание Рел.-Фил. О-ва не пошел. (После смерти Толстого)».

¹¹⁹ Сергей Финляндский (наст. имя Страгородский Иван Николаевич; 1867–1944) – священник, богослов, автор богослужебных текстов и духовных стихов; ректор Санкт-Петербургской духовной академии (с 1901 г.); участник религиозно-философских собраний (1901–1903), с 1905 г. архиепископ Финляндский и Выборгский; был единственным членом Святейшего синода, оставленным В.Н. Львовым после роспуска старого состава; с августа 1917 г. архиепископ Владимирский и Шуйский; участник Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг.; впоследствии патриарший местоблюститель Русской православной церкви, в 1943 г. избран Патриархом Московским и всея Руси.

¹²⁰ Анна Николаевна Гиппиус (псевд. Анна Гиз; 1875 (по др. дан., 1872)–1942) – вторая из четырех сестер Гиппиус, получила образование на высших женских медицинских курсах, практиковала как врач; в период Гражданской войны служила в санитарном поезде в частях генерала Деникина, с 1919 г. в эмиграции. См. о ней: Белавская А.П. Воспоминания

о Т.Н. и Н.Н. Гиппиус / Публ. М.М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 707–716.

¹²¹ См. примеч. 105.

¹²² Мережковским и Философову: Ед. хр. 217. Л. 11 об.–12; 17 об.–18 об.

¹²³ См.: *Философов Д.В.* Дневник (1917–1918) / Публ., вступ. ст., коммент. Б. Колоницкого // Звезда. 1992. № 1–3.

¹²⁴ Николай Дмитриевич Авксентьев (1878–1943) – один из лидеров эсеров, в июле–августе 1917 г. занимал пост министра внутренних дел Временного правительства, в сентябре–октябре был председателем Предпарламента, член Учредительного собрания. Возможно, упоминание об Авксентьеве навеяно его выступлениями на экстренных заседаниях ЦК Совета рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов, состоявшихся 7 и 9 июля в связи с июльским кризисом Временного правительства и известиями о провале наступления на Юго-Западном фронте (стенографические отчеты заседаний печатались в газетах).

На заседании 7 июля Авксентьев обвинил большевиков в неподчинении большинству (июльское выступление), вследствие которого судьба революции оказалась в опасности (Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 9 июля. № 113. С. 7); на заседании 9 июля, обращаясь к оппонентам, он заявил: «Тов. Луначарский сказал, что боги, верно, отнимают у нас разум. А где был разум т. Луначарского и его друзей за прошлые 3 месяца? Мы все время говорили, все время предупреждали друзей т. Луначарского, что, если вести ту программу и агитацию, которую вели они, мы придем к трагической развязке. Теперь же они говорят о соглашении. Но теперь речь не о соглашении <...> Теперь все, кто не с нами, тот противник» (Там же. 11 июля. № 114. С. 3).

¹²⁵ 7 июля 1917 г. Л.Г. Корнилов был назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, вечером того же дня он направил Временному правительству телеграмму с предложением принять меры по ужесточению дисциплины на фронте: ввести смертную казнь и полевые суды.

Максимилиан Максимилианович Филоненко (ум. ок. 1950) – эсер, в 1917 г. в период Корниловского мятежа – Верховный комиссар при Ставке; был близок Савинкову. См. о нем: Красная книга ВЧК. М., 1990. Т. 2; записи в «Синей книге» от 10, 11, 17 августа 1917 г. Эмигрировал в США.

¹²⁶ Постановление Временного правительства об отмене смертной казни, принятое 12 марта 1917 г., как и «Декларация прав солдата», утвержденная 5 марта (Вестник Временного правительства. 1917. 12 марта.

№ 12), было вынужденной мерой – ответом на рост революционного движения в армии, вызванного Приказом № 1 Петросовета. Приказ предназначался для Петроградского гарнизона, но в короткое время вышел за его пределы и получил широкое распространение в армии и на флоте. В нем была намечена широкая программа по демократизации царской армии, предписывавшая избрание солдатских комитетов, которые были обязаны подчиняться Петросовету, а также: установить контроль над оружием, предоставить солдатам гражданские права, отменить все службы вставания во фронт и отдавание чести, титулование офицеров, запретить грубое обращение к солдатам со стороны командного состава (Приказ № 1 был опубликован 2 марта 1917 г. в газете «Известия Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов»). А.И. Гучков пытался переадресовать Приказ № 1 исключительно в область тыла, но его идея была встречена в штыки Петросоветом, позднее он вспоминал: «Стеклов очень резко возражал и, в конце концов, он своим упорством взял верх, и тогда, чтобы получить единогласие, они остановились на этом компромиссе, который мне предложили. <...> Как ни вреден был Приказ № 1, но, если бы мы были в силах принять ряд мер к прекращению той агитации, которая велась, можно было бы последствия довольно быстро ликвидировать. Но, к сожалению, этого нельзя было сделать: вопрос об аресте таких людей и не мог быть поднят потому, что это знаменовало бы собой разрыв с Советом» (Гучков Александр Иванович рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. С. 70–71).

Приказ Керенского о восстановлении смертной казни на время войны для военнослужащих был опубликован 13 июля (см., например: Речь, 1917, № 162. С. 3); документу предшествовал ряд «подготовительных» операций: 6 июля было принято постановление о строгом наказании виновных за призывы к невыполнению распоряжений власти, воинские чины вменялось наказывать как за государственную измену; 7 июля Керенский издал распоряжение об аресте всех лиц, ведущих агитацию с призывом к свержению Временного правительства, против наступления и неповиновения начальству; он потребовал немедленно предать суду всех арестованных, запретить издание и распространение в армии газет «Правда», «Окопная правда», «Солдатская правда» (см.: Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис. М., 1959. С. 290–293). 8 июля, после неудавшегося наступления, Корнилов доложил Львову о необходимости применения в действующей армии исключительных мер, вплоть до введения смертной казни; 16 июля после совещания в

Ставке, на котором с докладом выступал А.И. Деникин, Керенский принял решение об изъятии из армии политики и наведении в ней порядка. См.: *Гаврилов Л.М.* Истоки и финал демократизации русской армии // *Армия и общество. 1900–1941 гг.: Статьи и документы.* М., 1999. С. 77–114.

¹²⁷ Текст телеграммы ген. Корнилова и телеграммы комиссаров 7-й армии Б. Савинкова и 8-й армии М. Филоненко печатался во всех центральных газетах, см., например: *Смертная казнь на фронте // Утро России.* 1917. 12 июля. № 169. С. 2; *Заявление ген. Корнилова // Речь.* 1917. 11 июля. № 160. С. 3.

Цитирую в извлечениях по тексту первой публикации телеграмму ген. Корнилова: «Армия обезумевших темных людей, не ограждавшая власть от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые даже нельзя назвать полями сражений, царит сплошной ужас, позор и срам, которого русская армия еще не знала с самого начала своего существования. Это бедствие может быть прекращено. И этот стыд может быть смыт или революционным правительством, или, если оно не сумеет этого сделать, то неизбежным ходом истории будут выдвинуты другие люди, которые, сняв бесчестие, вместе с тем уничтожат завоевания революции, и потому тоже не могут дать счастья стране. Выбора нет: революционная власть должна стать на путь определенный и твердый. Лишь в этом спасение родины и свободы. Я, генерал Корнилов, вся жизнь которого от первого сознательного существования до ныне, проходит в служении родине, заявляю, что отечество гибнет, и потому, хоть не спрошенный, требую немедленного прекращения наступления, наступления на всех фронтах, в целях сохранения и спасения армии для ее реорганизации на началах строгой дисциплины, и дабы не жертвовать жизнью не многих героев, имеющих право увидеть лучшие дни. Необходимо немедленно, как меры, временно исключительно вызываемой безысходностью создавшегося положения, введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий. <...> Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей, трусов. Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, что родина накануне безвозвратной гибели, что время слов и увещаний прошло, что необходима непоколебимая государственно-революционная власть. <...> Я заявляю, что, если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и воспользоваться ею по ее действительному назначению – защиты родины и свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего» и т. д. Под подписью ген. Корнилова помещена записка Б. Савинкова: «Со своей стороны вполне разделяю мнение генерала Корнилова и поддерживаю вышесказанное

им от слова до слова. Савинков». В своих телеграммах Савинков и Филоненко всецело поддерживали требования ген. Корнилова. См. также: *Дело генерала Л.Г. Корнилова. Август 1917 – июнь 1918: Документы.* В 2 т. М.: Материк; Междунар. фонд «Демократия», 2003.

¹²⁸ Газета «Речь» сообщала об инциденте: «21 апреля, около трех часов дня, в штабе округа были получены донесения о движении с окраин города больших вооруженных масс и о начавшейся на Невском проспекте стрельбе рабочих по невооруженным солдатам и публике, причем появились сведения, что на Невском были даже убитые и раненые. Поэтому, в целях обеспечения мирного населения столицы от возможных насилий, главнокомандующий петроградского военного округа был принужден отдать приказание о вызове на Дворцовую площадь нескольких частей гарнизона. <...> Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов по телефону сообщил в штаб, что вызов войск может спровоцировать осложнение. После переговоров с делегацией Исполнительного Комитета Корнилов отменил свое приказание» (От Временного Правительства // *Речь.* 1917. 26 апр. № 95. С. 3).

¹²⁹ Николай (Карло) Семенович Чхеидзе (1864–1926) – один из лидеров меньшевизма; депутат III и IV Государственной думы от Тифлисской губернии, председатель меньшевистской фракции в IV Думе. Во время Первой мировой войны – центрист, выступал за участие рабочих в военно-промышленных комитетах, против национально-освободительного движения в Грузии. После Февральской революции член Временного комитета Государственной думы, председатель Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, председатель ВЦИК 1-го созыва. Участник Московского совещания.

¹³⁰ Школа Шидловской находилась на Шпалерной улице, неподалеку от Таврического дворца, в котором заседала Дума.

¹³¹ О ком идет речь, установить не удалось.

¹³² Костя Василевский (?) многократно упоминается в письмах Т. Гиппиус близким, летом 1917 г. сестры Т. и Н. Гиппиус жили рядом с ним в Прибыткове; сведениями о нем мы не располагаем.

¹³³ Сразу после июльского выступления большевиков в печати появились сообщения о связях Ленина с немцами («германский агент») и получении им немецких денег через А.Л. Парвуса и Я.С. Ганецкого; впервые публичное обвинение большевиков в шпионаже было предъявлено в статье Г. Алексинского и В. Панкратова «Ленин, Ганецкий и Ко – шпионы!» (*Живое слово.* 1917. 5 (18) июля). В письме Мережковским 12 июля Т. Гиппиус, по-видимому, имела в виду заметку «Ленин, Парвус, Раковский, Мухин и Ко», напечатанную в «Вечернем времени» (1917. 12 июля. № 1869. С. 1).

¹³⁴ О шествии военнопленных к Думе никаких сведений в центральных газетах мы не нашли; вместе с тем с конца июня и в продолжение июля в прессе систематически печатались материалы о катастрофическом положении военнопленных и бежавших из плена, а также объявления о сборе пожертвований военнопленным и их семьям.

¹³⁵ Масловский Сергей Дмитриевич (псевд. Мстиславский; 1876–1943) – писатель, публицист эсеровской газеты «Дело народа»; член президиума II Всероссийского съезда Советов. О провокаторстве Мстиславского есть запись в «Синей книге» З. Гиппиус (28 февраля 1917 г.); слухи основывались на двух эпизодах его биографии: 1) в связи с деятельностью в эсеровской партии однажды он был арестован и освобожден и при этом не потерял место библиотекаря в Академии Генштаба; 2) по сообщению А.Я. Гальперна, Мстиславский на одном из масонских заседаний предложил организовать покушение на Николая II, что сразу же вызвало подозрения присутствовавших (см.: *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 64–66). Здесь, вероятно, отклик на публикацию: *Барсов Ник.* Львы и леопарды // Речь. 1917. 13 июля. № 162. С. 2 (см.: «Могучий лев, гроза лесов – Г. Масловский, он же Мстиславский, устранивший своей “левизной” даже “Дело народа”, в конце концов, оказался бывшим сотрудником “Правительственного Вестника”» и т. д.).

¹³⁶ Козьма Фирсович Крючков (1890–1919) – донской казак; был первым награжден Георгиевским крестом в Первую мировую войну (получил крест 4-й степени за уничтожение в бою 11 немцев).

Хохол из-под фуражки – запоминающаяся деталь внешности героя, запечатленная на фотографии в популярном журнале «Искра» (1914. № 33).

¹³⁷ В.А. Флёрова участвовала в работе Петроградского религиозно-философского общества, входила в близкое окружение А.А. Мейера и К.А. Половцовой.

¹³⁸ Философову: Ед. хр. 178. Л. 1–4.

¹³⁹ Всероссийский Поместный собор Русской православной церкви работал в Москве с 15 августа 1917 по 20 сентября 1918 г.

¹⁴⁰ В.Н. Львов.

¹⁴¹ В статье «Русский офицер» (Речь. 1917. 16 июля. № 165. С. 2) Философов писал: «По совести говоря, в данное время нет положения труднее, нежели положение русского офицера»; в качестве документального свидетельства он привел письмо с фронта молодого офицера, недавнего студента (вероятно, своего племянника Володи Ратькова-Рожнова, см. примеч. 2): «...безумно вести этих людей, счастливых какой-то свободой, в бой, о котором они очень мало теперь думают» и т. д. Статья явилась злободневным откликом на почти ежедневные сообщения в прессе о случаях неповиновения солдат офицерам, учинении над офицерами са-

мосудов, о падении дисциплины на фронте вследствие большевистской пораженческой агитации. За день до публикации статьи Философова газета «Речь» (1917. 16 июля. № 165. С. 2) напечатала сообщение об аресте 4 июля в Свеаборге 7 офицеров, произведенном секцией охраны народной свободы Исполкома Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих. Офицеры были арестованы на основании недоказанного обвинения; их обвинили в причастности к подавлению Свеаборгского восстания 1906 г.; в том же номере была напечатана заметка «Большевистская работа на Рижском фронте» и т. п. Надежды на восстановление авторитета офицерства, без которого невозможно оздоровление русской армии, Философов связывал с назначением Керенского на пост военного и морского министра: «Керенский – сам человек беззаветного мужества. Он теперь ближе вошел в жизнь фронта, и, нет сомнения, по достоинству оценил и понял русского среднего офицера. Правительственные комиссары при армии подобраны очень удачно. Это все мужественные, испытанные революционеры, которые так же, как и Керенский, дадут русскому офицерству нравственную опору»; в то же время Философов выражал неуверенность в успешности принятых правительством мер (отмена Приказа № 1): «Но надо сказать откровенно, что слишком долго фронтовых офицеров оставляли без всякой опоры и поддержки. Сначала их так же, как и солдат, держали в полном неведении в ходе революции, а потом осчастливили приказом № 1. Социалистическая печать абсолютно их игнорировала и обнаружила этим большую легкомысленность. Теперь нет ни одного социалистического органа, который не говорил бы о разрухе, анархии, но одной из причин этих явлений надо признать ожесточенное дискредитирование офицерства, чем занимались многие “сознательные” товарищи. Борясь с негодными элементами офицерства, они безрассудно оскорбляли принижением их, возлагали на них бремена неудобноносимые» (Там же).

¹⁴² Вера Николаевна Фигнер (1852–1942) – член Исполнительного комитета «Народной воли», участвовала в подготовке покушений на Александра II; в 1884 г. приговорена к вечной каторге, 20 лет находилась в одиночном заключении в Шлиссельбургской крепости, в 1906–1915 гг. – в эмиграции; в апреле 1917 г. была избрана членом Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов; в июне – кандидатом в члены Учредительного собрания. 18 июня 1917 г. подписала воззвание старых революционеров ко всем гражданам России за продолжение войны «до победного конца».

¹⁴³ Поездка Фондаминского и Соколова в Гельсингфорс, возможно, была приурочена к торжественной церемонии в память Свеаборгского восстания (17 июля 1906 г.). В день одиннадцатой годовщины расстрела

матросов и офицеров на Лагерном острове (29 июля) эсеровская партия устроила гражданскую панихиду с участием представителей исполнительных комитетов различных советов. Фондаминский был причастен к организации восстания на крейсере «Память Азова» (20 июля), вспыхнувшего в Ревеле после подавления Свеаборгского. 20 июля он прибыл на крейсер в шлюпке вместе с двумя агитаторами, к тому моменту восстание было уже подавлено, Фондаминский был арестован матросами, сохранившими верность присяге; военно-морской суд, проходивший дважды, оправдал его; из опасения нового суда он вместе с женой эмигрировал во Францию. Этот биографический эпизод описан ближайшим партийным соратником Фондаминских В.М. Зензиновым в книге воспоминаний «Пережитое» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953).

¹⁴⁴ Зинаиде Гиппиус: Ед. хр. 60. Л. 22 (открытое письмо).

¹⁴⁵ См. примеч. 49.

¹⁴⁶ Иван Сергеевич Книжник-Ветров (наст. имя и фамилия: Израиль Самойлович (по др. данным: Соломонович) Бланк, 1878–1965) – публицист, историк революционного народничества, теоретик анархизма; с июня 1917 г. член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

¹⁴⁷ Александр Сергеевич Лукомский (1868–1939) – генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны. После Февральской революции 2 апреля 1917 г. назначен командиром 1-го армейского корпуса; со 2 июня – начальник штаба Верховного главнокомандующего. Поддержал выступление генерала Корнилова, был арестован вместе с ним в Могилеве, в сентябре заключен в Быховскую тюрьму, откуда вместе с другими генералами бежал в ноябре 1917 г. Видный деятель Белого движения, один из организаторов Добровольческой армии. Военная карьера Лукомского развивалась под началом и при поддержке Сухомлинова, в годы его командования войсками Киевского военного округа (вступил в должность в 1904 г.) и позднее. Владимир Александрович Сухомлинов (1848–1926) – в 1909–1915 гг. военный министр. В сентябре 1916 г. приговорен судом к бессрочной каторге за неподготовленность армии к войне; каторга была заменена заключением в Петропавловскую крепость; 1 мая 1918 г. освобожден как достигший 70-летнего возраста; эмигрировал.

¹⁴⁸ Станция и поселок Семрино (Гатчинский район Ленинградской области) основаны в 1903 г. на строящейся железнодорожной ветке Павловск–Вырица; 28 августа 1917 г. станцию блокировали Ингушский и Черкесский полки 3-й бригады Кавказской Туземной конной дивизии.

¹⁴⁹ Газета «Речь» сообщала: «После краткого обмена мнениями министры – члены партии народной свободы и министры-социалисты, желая

предоставить А.Ф. Керенскому полную свободу действий, одновременно заявили о своей отставке, выразив вместе с тем готовность остаться пока в своих ведомствах» (Отставка министров // Речь. 1917. 28 авг. (10 сент.). Экстренный вып. С. 1). Ср. запись в «Синей книге», 12 августа: «На Керенского будто бы повлияла телеграмма Корнилова, который требовал, чтобы Сав-ва не удалять, а также, чтобы все кадеты явились к нему с отставками. Едва он их умастит». 25 августа подали в отставку министры-кадеты – это было частью задуманного корниловцами плана; одновременно подал в отставку министр-эсер В.М. Чернов, который, напротив, не желал принимать участие в плане Корнилова.

¹⁵⁰ Николай Виссарионович Некрасов (1879–1940) – член III и IV Государственной думы, министр путей сообщения и министр финансов Временного правительства; последний генерал-губернатор Финляндии (сентябрь–ноябрь 1917).

¹⁵¹ Генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев (1857–1918) – в 1917 г. Верховный главнокомандующий Русской армии (2 апреля – 21 мая); в августе 1917 г. во время Корниловского выступления согласился возглавить Ставку, чтобы спасти генерала Корнилова; 1 сентября по приказу Керенского арестовал Корнилова и его ближайших подчиненных (генералов Романовского, Лукомского и ряд старших офицеров), они были взяты под стражу и помещены в Быхове в здании монастыря (в Ставке); через неделю Алексеев ушел в отставку с поста Начальника штаба при Верховном главнокомандующем.

¹⁵² Михаил Иванович Терещенко (1886–1956) – крупный предприниматель, владелец сахарорафинадных заводов, крупный землевладелец, банкир, издатель. В первом составе Временного правительства был министром финансов; во втором–четвертом составах правительства – министром иностранных дел.

¹⁵³ В июле 1917 г. Савинков был назначен управляющим военным министерством и товарищем военного министра (Керенского), его считали реальным претендентом на роль диктатора, способного сконцентрировать в своих руках всю полноту власти в стране. 22 августа по указанию Керенского он прибыл в Ставку для переговоров с Корниловым и, согласовав ряд вопросов, вернулся в Петроград; 27 августа во время наступления Корнилова на Петроград был назначен военным губернатором Петрограда и исполняющим обязанности командующего войсками Петроградского военного округа; с целью не допустить полного разрыва Ставки с правительством предложил Корнилову уладить конфликт и получил его согласие, однако события 27–28 августа помешали переговорам (см. примеч. 154); 30 августа подал в отставку, не согласный с изменениями

в политике Временного правительства. Ср. записи о Савинкове и Корниловском мятеже в «Синей книге» (8–31 августа 1917 г.).

¹⁵⁴ В «Синей книге» под 12 августа 1917 г. З. Гиппиус заметила: «...“либерданы” (кличка мелкой сошки из кучек “Либеры” и “Дана”). Один – в очках, другой – в *pinse-pez*». Михаил Исаакович Либер (наст. фам. Гольдман; 1880–1937) – один из лидеров Бунда и меньшевиков; в 1907–1912 гг. член ЦК РСДРП; в 1917 г. член Исполкома Петроградского совета; Федор Ильич Дан (наст. фам. Гурвич; 1871–1947) – один из лидеров меньшевиков; в 1917 г. член Исполкома Петроградского совета и Президиума ВЦИК 1-го созыва.

¹⁵⁵ О переговорах Керенского с Милюковым и Алексеевым в связи с «делом Корнилова» см.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело»: Генерал Корнилов. М.: Наука, 1989. С. 148–150.

¹⁵⁶ «Манифестам» предшествовали следующие события: 26 августа Корнилов подписал приказ о формировании отдельной Петроградской армии, назначил главнокомандующим армии генерала Александра Михайловича Крымова (1871–1917), отдав ему предписание: при начале выступления большевиков немедленно идти с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части гарнизона, которые примкнули к большевикам, разогнать Советы. 27 августа Керенский объявил, что Петроград и Петроградская губерния находятся на военном положении, и отправил Корнилову телеграмму с требованием сдать командование и выехать в Петроград. Корнилов отказался подчиниться распоряжению Керенского, Временное правительство объявило его изменником (в газетах появилось сообщение от «министра-председателя» с обвинением Корнилова в установлении порядка, «противоречащего завоеваниям революции»).

В ночь на 28 августа Корнилов разослал объявление по всем линиям железной дороги – всем начальствующим лицам и дорожным комитетам о провокации с целью парализовать приказ Керенского блокировать движение войск Крымова на Петроград (утром 28 августа оно было напечатано в газетах) и обращение «Ко всем русским людям», в котором говорилось: «Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистских Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба, и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, храмы, – молитесь Господа Бога о явлении величайшего чуда, чуда спасения родимой земли. Я, генерал

Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо, кроме сохранения великой России, клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни». Оба «манифеста» были опубликованы в газетах утром 28 августа. Этот момент принято считать началом Корниловского мятежа. См.: *Армия и общество: 1900–1941 гг.: Статьи и документы / Ин-т рос. истории РАН; Отв. ред. В.П. Дмитренко. М., 1999. С. 315–316; см.: Иоффе Г.З.* Белое дело: Генерал Корнилов. С. 123–125.

¹⁵⁷ Александр Яковлевич Гальперн (1879–1956) – присяжный стряпчий, ближайший помощник В.А. Маклакова по адвокатской деятельности; в феврале 1917 г. сменил В.Д. Набокова в кабинете Керенского на посту управляющего делами Временного правительства; масон, входил в «ложу Мережковского». См.: *Серков А.И.* Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 1144.

¹⁵⁸ Абрам Рафаилович Гоц (1882–1940) – лидер эсеровской фракции в Петроградском совете; на III съезде партии эсеров избран товарищем председателя съезда, членом ЦК партии; член Президиума ВЦИК 1-го созыва, был избран его председателем.

¹⁵⁹ Неустановленное лицо. О супругах Маркович см. примеч. 109.

¹⁶⁰ Александр Васильевич Ливеровский (1867–1951) – инженер путей сообщения; товарищ министра путей сообщения Временного правительства; во время выступления генерала Корнилова способствовал передаче в Ставку обращения Временного правительства к железнодорожникам, которое отказался передавать министр путей сообщения П.П. Юренев. На основе этого обращения были прекращены перевозки корниловских войск в направлении Петрограда; кроме того, Ливеровский отдал приказ разобрать стрелочные переводы на станциях Дно и Новосokolьники.

¹⁶¹ «Дикая», или Кавказская Туземная конная, дивизия. 25 августа 1917 г. Корнилов направил 3-й кавалерийский корпус из резерва Румынского фронта и Туземную дивизию в Петроград. Эти части должны были стать основой Отдельной Петроградской армии, подчиненной непосредственно Ставке. 24 августа он назначил главнокомандующим отдельной Петроградской армией генерала Крымова, возложив на него задачу подавления выступлений в столице.

¹⁶² Елизавета Владимировна Карташева, младшая сестра А.В. Карташева, училась в Петербурге на Женских медицинских курсах, работала фельдшером в Петропавловской больнице; после бегства Карташева из России жила вместе с сестрами Т.Н. и Н.Н. Гиппиус, видимо, до ареста Татьяны Николаевны; ее дальнейшая судьба нам неизвестна.

¹⁶³ В.А. Степанов.¹⁶⁴ Мережковским и Философову: Ед. хр. 217. Л. 20–26.

¹⁶⁵ 28 августа 1917 г. экстренный выпуск газеты «Речь» вышел с цензурным запрещением ряда материалов (на первой и второй полосе были вынуты статьи). 30 августа в газетах было опубликовано «Обязательное постановление Петроградского военного генерал-губернатора» Савинкова, в связи с введением в столице военного положения. Согласно постановлению, воспрещалось оглашать в печати распоряжение генерала Корнилова и его штаба; призывать к поддержке восстания против Временного правительства и низвержению верховной власти в стране; разглашать сведения из неофициальных источников о мерах и распоряжениях Временного правительства, направленных на подавление мятежа и т. п. За нарушение правил виновные подвергаются в административном порядке заключению в тюрьму или крепость на срок до трех месяцев или денежному штрафу; периодические издания подлежат приостановлению, типографии закрытию или секвестру (см.: Вечернее время. 1917. 30 авг. № 1911. С. 2). По-видимому, увольнение переводчицы было связано с нарушением правил «Обязательного постановления».

¹⁶⁶ Мережковским и Философову: Ед. хр. 219. Л. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуемые молитвы являются частью корпуса молитвенных текстов, написанных членами религиозной общины Мережковских в 1900–1910-е годы и предназначенных для так называемой Иоанновой церкви (церкви Третьего Завета), учрежденной З. Гиппиус, Д. Мережковским и Д. Философовым в 1899 г.¹

В настоящее время известны два «молитвенника», опубликованные Т. Пахмусс². В «дневниках» Т. Гиппиус (1906–1908) содержатся также литургии на Пасху и Троицу.

Военные молитвы – наиболее поздние из известных нам эзотерических текстов семьи. Как и «молитвенники»³, они создавались коллективно: в их написании принимали участие все члены братства, рукописи Т. Гиппиус испещрены пометами и вставками З. Гиппиус.

Заголовки («Сей час», «Сейчас», «Всегда») отсылают к тексту «дневников» 1917 г., которые, в свою очередь, могут служить развернутым комментарием к военным молитвам, например: «Христос, я знаю где. Он зовет к единению, к церковности. К *общей* часовенке и *военной* свечке весь народ, как в мобилиз<ацию> и революцию. Все повторяется, как у нас. К сей военной минуточке подойти *всем народом*, а не всеми партиями» (12 июля) и т. п.

Тексты молитв воспроизводятся по автографам: РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 37. Вычеркнутые слова заключены в прямые скобки; вписанное рукой З. Гиппиус или Т. Гиппиус, приводится в косых скобках: \/, примечания публикатора – в угловых.

Л. 1–4

<Рукой Т. Гиппиус <?>, с правкой карандашом.>

Молитвы разные

I

Боже, будь милостив [ко всем] \к/ нам
и благослови нас, освети нас светом
Лица Твоего, чтобы познали на земле путь
Твой, во всех народах спасение твое.

Укажи нам, Господи, путь твой, по которому нам идти, ибо к Тебе возносим мы душу нашу. Научи нас исполнять волю Твою, потому что Ты – Бог наш. Дух Твой да введет нас в землю Правды.

Не оставь нас, Господи, Боже наш, не удаляйся от нас, [отклони от нас удары Твои] услышь нас.

Услышь, Господи, молитву нашу, поспеши на помощь нам. Ради Правды Твоей – выведи из напасти душу нашу, ибо ты один – помощь наша и Избавитель наш.

Боже, Именем Твоим спаси нас и Силою Твоею суди нас, ибо ты один знаешь безумие наше и грехи наши не скрыты от тебя.

В дни скорби ищем Господа – изнемогает дух наш, душа отказывается от утешения; мы бедны и страдаем – приди на помощь нам, Господи, – помощь Твоя – восста\но/вит нас, избавь нас от тьмы и прости нам грехи наши ради Имени Твоего.

Ты посылал на нас тьму и опять оживлял нас – Ты возвышал нас и утешал нас. Зовем тебя – и ты услышишь нас, избавишь нас от тьмы и защитишь нас, ибо в скорби нашей ты с нами, Господи.

При умножении скорбей наших – Господь один защита наша и сила наша. Поклонимся ему – он Царь наш, и все народы – народы паствы Его и овцы руки Его. Мы заблудились, как овцы потерянные – не оставь нас. Помощь наша от Тебя Господи. Милость твоя – утешение нам.

Сотвори с детьми Твоими по милости Твоей и путям Твоим научи нас.

Утверди стопы наши в слове Твоем и не дай овладеть нами греху. Избавь нас от угнетения человеческого и научи искать волю Твою.

Откровенья Твои – Правда. Правда Твоя – правда вечная и живая и закон твой – истина. Правда откровений твоих вечна и вечен суд Правды Твоей. [Вразуми нас и будем жить. – Укрепи нас – и спасемся. Поддержи нас и познаем откровения Твои.]

Всем сердцем зовем Тебя – услышь нас. Призываем – спаси нас, – ради Имени Твоего оживи нас.

Услышь голос наш по милости Твоей – по суду Твоему – оживи нас.

Близок Ты, Господи, вступишь в дело Твое и защити нас.

По милости Твоей – оживи нас.

По Правде Твоей – оживи нас.

По суду Твоему – оживи нас.

Помоги хранить повеления Твои и откровения Твои – все пути наши пред Тобою.

Мы заблудились, как овцы, – не оставь нас, помощью своей, надеемся на тебя, надеется душа \наша/.

В дни, когда звали мы Тебя – Ты услышал нас, вселил в душу нашу бодрость. [И теперь] Ты среди скорби оживишь нас и спасет нас рука Твоя.

<Рукой Т. Гиппиус.>

II

Испытай нас, Боже, и узнай сердце наше. Испытай нас и узнай помышления наши – не на опасном ли мы пути – направь нас на путь Твой истинный.

Услышь, Господи, голос молений наших,

Господи, Господи, сила спасения нашего,

Господи, поспеши к нам, внемли голосу молений наших, даруй [людям] боящимся Тебя знамя [Твое], чтоб подняли его ради [правды и] Истины.

Господи, на Тебя уповаем – не отринь души нашей. Выведи из темницы душу нашу. Уныл в нас дух, изнемогаем. Онемело в нас сердце. Но близок Господь к сокрушенным сердцем, Господь внемлет узникам.

Будем на Господа надеяться, предадим Ему пути наши и волю нашу и Он поможет нам жить на земле, хранить Правду Его и совершать Дело Его.

По милости своей Он оживит нас.

По Правде своей оживит нас.

По Суду своему оживит нас.

На Тебя надеемся, Господи.

Темы молитв и молитвы военные

Л. 4

<Рукой З. Гиппиус, зелеными чернилами.>

На Танину тему (совершенно точно)

Господи сил и всякой плоти! Тебе молимся, Господи, скорую помощь подай нам [во брани] в борьбе с иноплеменным врагом нашим, скорую победу пошли нам и всем, с нами и за нас сражающимся, да восторжествует правда на земле.

Родину нашу, Господи, сохрани, укрепи, да послужит ей грозное испытание во славу, во обновление и возрастание сил.

Ниспошли нам, Господи, мудрость, волю, и умение в борьбе за родину нашу, за народ наш, и за другие народы, угнетенные врагами нашими.

Дух бодрый, и светлый, и крепкий сохрани во всех нас[, с нами вместе сражающихся, умирающих и побеждающих, раненых, плененных] людях твоих, за общее святое дело сражающихся, умирающих и одолевающих. Всех нас, далеких и близких, слей воедино, в единую волю, в единую любовь, просвети и научи нас Твоей мудростью, [освяти] прими и освяти дела рук наших Твоей благодатью.

Л. 5–5 об.

<Рукой Т. Гиппиус, правка и вставки рукой З. Гиппиус, карандашом, черными и зелеными чернилами; подчеркивания выделены курсивом.>

Сейчас

Хочу м<олиться> о России

О скорой победе нашей (всех союзников) над (немцами), нашими (сейчас) *врагами*, как о торжестве правды (сейчас).

О спасении, освобождении, воскресении к новой жизни после войны России. О том, чтоб война послужила этапом к этой жизни.

О послании нам \мудрости/, силы, воли, сознания и умения

для борьбы за свободу России и ее \будущ<ую>/ жизнь после войны. Об угнетенных народах (Бельгия и т. д.).

Об *умерших, умирающих, раненых, сражающихся и идущих на войну* (о поддержании в них духа бодрости).

О том, чтоб нам как можно ярче сознавать, понимать и чувствовать, что мы *вместе с ними* (нашими солдатами) делаем *одно* темное, человеческое и святое (сейчас) дело (общее). \Святое – это утверждать)/

Чтоб Христ<ос> принял \к себе/ нашу боль, темноту человеческую, кровь и простую человеческую любовь и просветил, просветил <так!> ее, а нас научил и наставил своей Божьей любовью и Божьей мудростью.

Л. 6

<Рукой Т. Гиппиус, с правкой и дополнениями рукой Т. Гиппиус - карандашом, З. Гиппиус - зелеными чернилами.>

Всегда

(Еще всегда)

Чтоб кончился \навсегда/ ужас войны, чтоб люди \народы/ опомнились от безумия своего, чтоб настал мир праведный \вечный/ о том, чтоб страсти чело<веч>ские просветились, о новом устройстве людей на земле, праведном, на *человеческом* и *божьем* законе, чтоб народы научились жить вместе в признании друг друга, \сознавая себя одним *божьем народом*./

<Далее вписано рукой З. Гиппиус.>

Надо и об этом и о многом другом, чему нас научила война. В общем если – то это молитва о Царствии Божьем на земле.

В частности же (вне войны) она не нужна, потому что надо молиться о *первом*, т. е. о состоянии, когда наименьше возможна война, ибо она *одно из* миллиона следствий отсутствия этого состояния. Отчего бы не молиться *всегда*, чтобы не было еврейских погромов, например?

Л. 7–8

<Рукой Т. Гиппиус, с правкой рукой З. Гиппиус зелеными и черными чернилами.>

Сей час

Сдержанный Антон

Яви, Господи, правду Твою среди мятущихся народов и племен, замышляющих тщетное. Помоги правому делу; да не будет посрамлен праведный [русский] (союзники), да не восторжествует нечестивый (немцы). Да притупятся мечи насильников \(\немцев)/ и да воскреснет свобода угнетенных \(\Сербия и Бельгия и беженцы евреи/.

Помяни Духа Твоего, Господи, и умири мир Твой и обнови лицо земли \(\русской – нет, вообще земли)/.

Спаси, сохрани и помилуй родину нашу. Да не угаснет в ней дух жизни и свободы. Да пройдем тьму испытаний без соблазна и достигнем светлых дней избавления. Дай, Господи, терпение и утешение страждущим и умирающим братьям нашим, болящих исцели и восставь, скорбящих укрепи, брань угаси и мир миру Твоему даруй.

<Далее рукой З. Гиппиус, зелеными чернилами.>

Боже, Боже, от скорби отяжелело сердце наше. Не входи, Боже, в суд с людьми твоими, но милостью Твоей покрой нас, под крылья твои собери нас. Любовь нашу, землю родную, защити, охрани, \(\Духом крепким и сильным напой ее./ да возникнет правда из земли, и приникнет истина с небес ради единства славы Твоей.

Боже, Боже, не входи в суд с людьми твоими! Помощи твоей молим, благости Твоей ожидаем, все пред Тобой стоим в единой скорби нашей, всем милости требующим, помоги, помоги, Господи!

Л. 9

<Рукой З. Гиппиус зелеными чернилами, на отдельном листе.>

Несдержанный Антон

Яви, Господи, правду Твою среди мятущихся народов и племен. Помоги нашему правому делу; да не будем мы посрамлены, да не восторжествует враг наш, да притупится насильнический

меч Германии и да воскреснет свобода угнетенных ею [народов] племен славянских и Бельгии. Пошли Духа Твоего, Господи, и умири мир Твой и обнови лицо земли.

Спаси, сохрани и помилуй родину нашу. Да не угаснет в ней дух жизни и свободы. Да пройдет тьма испытаний без соблазна и достигнем светлых дней избавления. Дай, Господи, терпение и утешение за нас страдающим и умирающим братьям нашим, болящих исцели и восставь, скорбящих укрепи. Брань угаси и мир миру Твоему даруй.

Л. 10

<Рукой Д. Мережковского, на отдельном листе.>

Господи, молимся Тебе:
сохрани, помилуй и спаси землю нашу.

Спаси всякий град и страну
от огня, меча, насилья,
нашествия иноплеменных
и междоусобной брани.

Господи, молимся Тебе
о всех людях Твоих, братьях наших,
на земле, на море, на всяком месте
живущих, страдающих,
умирающих и ожидающих помощи
Твоей, и не ожидающих.

Господи, молимся Тебе:
Даруй мир \(\Твой/ миру Твоему.

Господи, молимся Тебе
и о нас, стоящих пред Тобой:
соедини нас в Имя Твое,
яви в нас Силу Твою,
приведи нас в Царство Твое.

¹ О «церкви» Мережковских см.: *Гиппиус З.* О Бывшем // Возрождение. [Париж], 1970. № 218. С.57–75; № 219. С.52–70; № 220. С. 53–75 (Публ. Т. Пахмусс); *Гиппиус З.* Дневники: В 2 т. / Вступ. ст. и сост. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. С. 89–164; в предисловии Т. Пахмусс к публикации писем З. Гиппиус к Д. Философому в кн.: *Pachmuss T.* Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus: Из переписки З.Н. Гиппиус. München, 1972. С.59–60; *Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1997. М., 1998. С. 70–114; Истории «новой» христианской любви: Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. М.М. Павловой // Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 391–455.

² См.: *Гиппиус З.Н.* The Prayer Book [Молитвенник] // Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. С. 713–770; Молитвенная книга Зинаиды Гиппиус / Публ. Т. Пахмусс // Новый Журнал. [Нью-Йорк], 2004. № 234 (март). С. 142–167.

³ В молитвенной книге З. Гиппиус, опубликованной Т. Пахмусс, имеются поправки и вставки рукою Мережковского, Т. Гиппиус и Философова.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА О ВОЙНЕ